РУССКАЯ ФАНТАСТИКА 2019

Том первый

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЁВ • АНТОН ПЕРВУШИН •
МИЛОСЛАВ КНЯЗЕВ • НИКОЛАЙ КАЛИНИЧЕНКО
АЛЕКС ГРОМОВ • МАЙК ГЕЛПРИН

Русская фантастика (Эксмо)

Василий Головачев

Русская фантастика – 2019. Том 1

«Эксмо»
2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Головачев В. В.

Русская фантастика – 2019. Том 1 / В. В. Головачев — «Эксмо», 2019 — (Русская фантастика (Эксмо))

ISBN 978-5-04-101127-7

Решение созрело. Серж Ивановских не стал дожидаться, когда возьмут верх посторонние доводы, и повесил три восклицательных эмодзи в чате миссии, тем самым нарушив внутренний сетевой устав. На этом приключения кандидата-аспиранта Ивановских, прилетевшего в планетную систему Саган изучать феномен местных дайкадзю, не закончились… Российская обсерватория «Астрон», расположенная в кратере Циолковский на обратной стороне Луны, обнаруживает в далеком Космосе странный объект сферической формы…Месье Симону не привыкать иметь дело с потусторонними силами, но ситуация, с которой он столкнулся в имении богатого немецкого фюрста, поразила даже его…Василий Головачёв, Антон Первушин, Майк Гелприн, Милослав Князев и другие ведущие отечественные писатели-фантасты в традиционном ежегоднике «Русская фантастика»!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101127-7

© Головачев В. В., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Песнь самозверя 6
Василий В. Головачёв 7
Антон Первушин 31
Александр Богданов 63
Конец ознакомительного фрагмента. 72

Русская фантастика – 2019. Том 1

Сборник

© Аваков С., Александер А.Д., Алферов В., Анискова Н., Богданов А., Бортникова Л., Венгловский В., Гелприн М., Голдин И., Головачёв В., Голоусикова А., Громов А., Дробкова М., Калиниченко Н., Караев Н., Карташов А., Князев М., Кокоулин А., Копернин В., Макашина Я., Первушин А., Провоторов А., Романова Т., Рэйн О., Титов О., Тихий Д., Щербак-Жуков А., Щетинина Е., Ясинская М., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Песнь самозверя

Василий В. Головачёв
Призрак сферы Дайсона

1

Российская обсерватория «Астрон» нашла пристанище в кратере Циолковский, который, в свою очередь, располагался на другой стороне Луны. Создана она была в две тысячи девяносто девятом году и наряду с другими обсерваториями и станциями радиотехнического наблюдения за пространством входила не только в российскую национальную систему контроля космоса, но и в общемировую.

«Астрон» представлял собой комплекс сооружений, в который входили три зеркально-линзовых телескопа, сложная решетка радиотелескопа и расположенный под лунной поверхностью резервуар с жидким азотом, представлявший собой антенну нейтринного телескопа, позволявшего обозревать просторы Вселенной чуть ли не до ее видимых границ[1].

Кроме того, в комплекс входили жилые и бытовые модули, также спрятанные под грунтом на глубине десяти метров, и модуль управления, оборудованный новейшими системами защиты и кванком – квантовым компьютером последнего поколения, по интеллекту не уступающим человеку. Компьютер имел имя собственное – Григорий – и был подключен к сети таких же функционально ориентированных вычислительных машин, служащих науке и ученым на Земле и на других планетах Солнечной системы.

К слову сказать, на Луне таких обсерваторий, принадлежащих другим странам, насчитывалось больше двух десятков, и благодаря взаимодействию их компьютеров система надежно контролировала Солнечную систему, мгновенно высчитывая опасные приближения к Земле комет и астероидов, а также вела исследования и далеко за пределами родной Галактики.

Расположение обсерватории выбирали тщательно, и по всем условиям для работы лучшим районом для ее строительства был определен Циолковский, кратер диаметром сто восемьдесят километров, обладавший центральной горкой, где разместились телескопы, и темным дном, что специалисты посчитали дополнительным преимуществом: телескопам и фотометрам в районе кратера не мешали блики от лунных пород при появлении над горизонтом Солнца.

Десятого августа две тысячи сто семнадцатого года в центре управления обсерваторией дежурила рабочая смена астрономов в количестве трех человек: начальник смены оператор-астрофизик Доминик Гриневский, по легенде – прапраправнук писателя Александра Грина, сорока восьми лет, оператор-астроном Вениамин Барсуков, обладавший фигурой спортсмена-бодибилдера, тридцати лет, и техник-оператор Николай Толочко, выглядевший в свои тридцать три года студентом колледжа.

Каждый из операторов занимался своим делом, располагаясь в креслах с универсальной информационной поддержкой. В нынешние времена не было надобности следить за небом в окуляры телескопов, за людей это делали автоматы, сбрасывая изображения участков космоса на объемные экраны операторов.

Как обычно, первые два-три часа дежурства разговаривали мало, увлеченные созерцанием активности близких звезд и работой с идентификацией излучений и «шумов» эфира.

Гриневский «пас» северный квадрант неба, украшенный созвездиями Ориона, Тельца и Эридана. Барсуков изучал спектры звезд ближнего «засолнечья» в направление на созвездие Кассиопеи. Коля Толочко контролировал все сообщения, поступавшие от общей апертурной

[1] Радиус видимой части Вселенной = 13,7 млрд световых лет.

сети комплекса, выдаваемые Григорием для изучения обнаруженных аномалий либо в движении небесных тел, либо в их свечении.

Потом начальник смены заказал кофе, к нему присоединился Толочко, и они принялись обсуждать недавнее открытие в созвездии Кеплера мигающей звезды класса К. Гриневский полагал, что звезда мигает из-за того, что вокруг нее крутится облако пыли. Коля Толочко стоял на том, что изменение блеска звезды можно объяснить и невидимой гравитационной линзой, располагавшейся между Кеплером и Солнцем.

– Зря копья ломаете, – вмешался в спор Барсуков. – Есть проблема поинтересней. Не хотите взглянуть?

Коллеги подошли к нему с чашками кофе в руках.

Объемный экран, или виом, как теперь принято было называть современные системы визуального наблюдения, а также телевизоры и компьютерные мониторы, показывал густо заселенную звездами область космоса в направлении на созвездие Ориона. Красное колечко в глубине виома отчерчивало вектор, по которому в данный момент принимал информацию нейтринный телескоп, ласково названный Циклопом.

– Ну и что? – с недоумением сказал Толочко, отбрасывая чуб, падающий на лоб.

– Странная вещь, – сказал Барсуков. – В этом районе вроде бы ничего не видать, ни одной звезды, а Циклоп регистрирует поток нейтрино, будто там прячется звезда.

– А что Григорий?

– Утверждает, что в этом квадранте нет неоткрытых звезд. В каталогах действительно ничего.

– Ну-ка, ну-ка, – заинтересовался Гриневский. – Направь туда остальные наши гляделки.

Барсуков набрал комбинацию на консоли управления, объяснил Григорию, что надо сделать.

Внутри колечка в темноте пространства сформировалось шарообразное облачко искр, похожее на одуванчик.

– Интересно! – выпятил губы Толочко. – Что это может быть?

– Инфракрасный источник.

– Но звезды-то не видно.

– Это, наверное, красный или скорее коричневый карлик[2].

– Тогда почему его нет в наших каталогах?

– Потому что мы только начали подробно изучать этот квадрант.

– Так. – Гриневский задумчиво допил кофе, изучая необычный «одуванчик» в колечке. – Знаете что, парни, давайте-ка пощупаем его во всех диапазонах. А я свяжусь с КоКо.

Он имел в виду Центр Национальной системы контроля, расположенный в Крыму. В просторечии Центр его сотрудники называли Космическим Контролером, сокращенно – КоКо.

Расселись по своим местам, натягивая шлемы дополнительной реальности, позволяющие получать информацию от всех существующих источников, в том числе из Интернета, и общаться со всеми, кто мог понадобиться в любой момент.

Гриневский связался с КоКо, объяснил ситуацию дежурному комиссару.

Спустя час сам комиссар позвонил в «Астрон»:

– Вы запустили цепную реакцию, парни. Шестьдесят обсерваторий мира – в Чили, Канаде, Китае, в Евросоюзе, на Луне и на всех орбитах изучают Q Ориона. Знаете, какой вывод сделали коллеги в Египте?

– Не-ет, – озадаченно протянул Гриневский.

– Вы открыли «пузырь» Дайсона!

[2] Остывшая звезда небольшого размера с низкой температурой поверхности.

По залу центра управления обсерваторией пронеслась секунда оглушительной тишины. Потом очнулся Барсуков:

– Вы шутите?

Собеседник, находившийся в данный момент на Земле, в помещении Центра КоКо, рассмеялся.

– Ваши имена войдут в историю, парни. Работайте, еще свяжемся.

Толочко посмотрел на застывшего Гриневского.

– Пузырь, он сказал?

– Он имел в виду Сферу Дайсона, – хмыкнул Барсуков. – Невероятно! Я думал – какой-то сбой в системе, в крайнем случае – невидимое облако газа.

– Работаем, открыватели пузырей, – сказал Гриневский, усилием воли возвращая себе рабочий тонус.

2

Неделю они отдыхали на базе после возвращения из космических далей, оставив за кормой корабля едва ли не две сотни световых лет и звезду-фуор[3] ипсилон Кормы Корабля. Отсутствовал только бортинженер и кванконик корабля Леон Батлер. У него в Рязани жена родила двойню, и он отпросился у руководства Роскомоса навестить семью.

Остальные отдыхали на территории комфортного городка Циолковский, выросшего еще столетие назад на окраине российского космодрома «Восточный», отсыпаясь после трудного похода к оранжевой звезде, располагавшейся в ста восьмидесяти световых годах от Солнца, и радуясь общению в теплой компании.

По вечерам собирались в клубе космонавтов, где часто выступали известные театральные и музыкальные коллективы, либо играли в волейбол и баскетбол на площадках базы.

Восемнадцатого августа в планах у экипажа была запланирована встреча с командой планетолета «Анадырь», экипаж которого славился своими победами над командами космодрома и других космических судов.

Собрались на площадке базы в семь часов вечера, когда дневная жара спала и на леса вокруг космодрома опустился прекрасный летний вечер, напоенный запахами трав и цветов.

Играли пять на пять: у команды «Дерзкого» отсутствовал пасующий, роль которого мастерски исполнял Батлер, у команды «Анадыря» также отсутствовал игрок, один из доигровщиков, в последнюю минуту отказавшийся играть по неизвестной причине.

Капитаном команды «Дерзкого» был Виталий Бугров, он же – капитан корабля, в молодые годы неплохо выступавший за команду Хабаровского края. Роль диагонального нападающего команды исполнял молодой и горячий Ваня Ломакин, рост которого – два метра восемь сантиметров – и отличная прыгучесть позволяли ему легко преодолевать блок соперника.

Судил встречу штатный тренер космодрома полковник Веселов, возглавлявший и его сборную команду, несмотря на возраст, продолжавший работать в бригаде технического обслуживания космодрома.

Впрочем, судьи в нынешние времена на официальных чемпионатах, как внутренних, так и мировых, считались таковыми номинально. Контролировали ход игр дроны и всевидящие компьютеры, хотя слово «живого» судьи пока еще считалось законом.

В этот вечер техника судейства не включалась. Встреча организовывалась как товарищеская, и одного судьи сочли достаточным.

Команда «Дерзкого» начала уверенно. Ломакин забивал мячи почти стопроцентно, ему помогал Бугров, исполняющий обязанности доигровщика, пасовал, и очень качественно пасо-

[3] Фуор – тип нестационарных звезд с неравномерно меняющимся блеском.

вал, главный навигатор корабля Андрей Нарежный, и первый сет «дерзяне» выиграли со счетом 25–19.

Вторую неожиданно проиграли 25–23, расслабились, посчитав, что противник слабее.

Третью с трудом вытянули, выиграв со счетом 29–27.

Ломакин начал злиться, так как ему показалось, что его засуживают.

В четвертой партии созрел конфликт. Ломакин пробил чисто, однако Веселов отдал мяч сопернику, показав, что Иван задел сетку, и двадцатипятилетний оператор вспомогательных систем «Дерзкого» вспылил.

Сначала он сделал несколько выразительных жестов, один из которых можно было счесть неприличным. Затем громко высказал свое недовольство предвзятым судейством. А когда шестидесятилетний Веселов, тощий и длинный как жердь, сделал ему замечание, Ломакин вспыхнул и усомнился в квалификации судьи, посоветовав ему «пасти козлов, а не судить интеллектуальнейшую из игр».

Началась перепалка, в которую вступили игроки обеих команд. Бугрову пришлось приложить немало усилий, чтобы успокоить оператора экипажа и свести конфликт к нулю.

В конце концов все дружно пожали друг другу руки и доиграли сет. «Дерзкий» выиграл. Но в раздевалке Бугров отвел подчиненного в сторонку и осведомился голосом строгого отца:

– В чем дело, Иван? Какая муха тебя укусила?

Ломакин закусил губу. С одной стороны, он чувствовал себя правым, с другой – понимал, что нельзя давать волю своим чувствам на площадке, да еще в компании друзей.

– Извините, Виталий Семенович, больше не повторится.

– Ты не ответил на вопрос.

Ломакин отвел глаза.

– Да так… есть причина…

– Говори.

– Я встречаюсь с его дочерью…

– Кого – его?

– Василия Поликарповича… Веселова.

Бугров присвистнул.

– Хорош сюрприз! Давно?

– Полгода. – Ломакин насупился. – Не знаю, почему Василий Поликарпович так суров ко мне, поводов вроде не давал, но он меня явно невзлюбил.

– За что?

– Да бог его знает! Не приглянулся я ему.

– А может быть, он просто проверяет твою выдержку?

Ломакин наморщил лоб, размышляя.

– Виталий Семенович, – позвал Бугрова второй навигатор корабля Альберт Полонски, – вас ждать?

– Сейчас. – Бугров похлопал молодого человека по плечу. – Думай, Ваня, думай и проявляй сдержанность. Уравновешенные мужики нравятся больше нервных не только дамам.

– Я стараюсь.

– Пока что это у тебя плохо получается.

Приняли душ.

До жилого корпуса космонавтов пошли пешком. Погода благоприятствовала хорошему настроению, неприятности отошли на второй план, победа добавила энергии, и в конце концов начал улыбаться и Ломакин.

А в холле здания их ждал подтянутый молодой человек с короткой стрижкой «скошенный луг», в сером унике официала канцелярии.

– Майор Точкин, – представился он. – Адъютант начальника Центра управления полетами Волгина. Виталий Семенович, генерал просит вас навестить его в удобное для вас время.

– А почему вы мне не позвонили? – в недоумении поднял брови Бугров. – Решили передать просьбу лично?

– Андрей Харлампиевич только что вернулся домой. – Точкин поднял глаза к потолку, давая понять, где сейчас Волгин; генерал жил в этом же доме, только на тридцать седьмом этаже. – Я проводил его, хотел вам звонить, а тут вы навстречу.

– Что случилось?

– Ничего особенного. Я понял так, что вам предложат новый дальний поход.

Бугров мельком глянул на лица сопровождавших его членов экипажа.

– Куда, если не секрет?

– Очевидно, к Ориону.

– Снова к фуору?

– Нет, на этот раз подальше. В квадранте омикрон два-зет Ориона обнаружен интересный объект. Но вы сами все узнаете.

– Что за объект? – полюбопытствовал Полански.

– Сфера Дайсона, – ответил Точкин равнодушно.

3

Космодром Коперник, расположенный в одноименном лунном кратере, был построен в конце двадцать первого века и принадлежал изначально России. Но после ликвидации террористического интернационала, распада НАТО и достижения полноценного всеобщего мира на Земле с него начали стартовать и космические корабли других держав, а также космолеты, принадлежащие Международному Совету космических исследований, объединившему все космические агентства, в том числе российский Роскосмос, американское НАСА и китайское Го Цзя Хан Тянь Цзюй.

Бугров с командой прибыл на космодром Коперник девятнадцатого августа, приняв предложение руководства Роскосмоса, поддержанное Международным Советом, отправиться к только что обнаруженному объекту, получившему название Сфера Дайсона. Руководство колебалось, испытывая сомнения в полноценной реабилитации экипажа корабля после полета к звезде-фуору, но Бугров заверил Волгина, что все космонавты здоровы как быки и готовы лететь хоть к черту на кулички. Тем более что «Дерзкий» позволял это сделать, рассчитанный свободно преодолевать громадные космические расстояния за считаные часы, а то и минуты. И Волгин дал добро.

«Дерзкий» действительно оправдывал свое имя.

Это был космолет, изготовленный по новейшим технологиям, обладавший ГСП-тягой, обеспечивающей ему скорость в тысячи раз выше световой. Впрочем, о реальной скорости относительно физических объектов говорить не приходилось. Генератор «свертывал» пространство в «струну», и корабль не разгонялся, как реактивный снаряд, а как бы проваливался в трещину в вакууме, то есть, по сути, создавал вакуумный «дефект», подобный трещине в сплошном поле льда, и оказывался в нужном районе космоса практически мгновенно. Другое дело, что расчеты «пробоя» требовали тщательного учета всех объектов и полей по вектору движения, а это занимало немало времени.

Конструкторы корабля при его создании использовали не только фрактал-дизайн, но и модульную сборку, позволяющую менять внутренние интерьеры, увеличивать объемы трюмов и сокращать вспомогательные помещения.

Команда Бугрова количеством в шесть человек разместилась в центральном модуле управления, называемом то бункером, то мостиком, хотя каждый член экипажа имел для

отдыха персональную каюту. От кубриков на несколько мест для «матросов» давно уже отказались.

Точно так же устроились с комфортом и пассажиры – исследовательская группа в количестве пяти человек. Руководил ею пятидесятилетний доктор физико-математических наук Шустов. И если в экипаже была только одна женщина – Ирина Легрова, доктор медицины, то в команде Шустова насчитывалось сразу две: Фьоретта Месси, красивая жгучая брюнетка двадцати семи лет, и Карла де Лонгвиль, археобиолог и ксенолог-психолог, суровая дама-блондинка сорока двух лет от роду. Обе были не замужем, и мужчины относились к ним с повышенным вниманием, хотя не забывали и о политкорректности.

В двенадцать часов по универсальному времени[4] экипаж и пассажиры попрощались со свитой провожающих, в которую входили возбужденные ученые, представители Международного Совета космических исследований, руководители Роскосмоса и родственники улетавших, и скрылись в гармошке переходного рукава, протянутого от купола космовокзала к громаде корабля, геометрически совершенные формы которого делали его квазиживым зверем космоса, приготовившимся к прыжку.

Заняли места согласно штатному расписанию.

– Стандартный режим, – объявил Бугров, вселившись в гнездо капитанского ложемента, способного в чрезвычайных ситуациях превратиться в модуль высшей защиты.

Это означало, что старт будет происходить без каких-либо форс-мажоров, и тревожиться не стоит. Никто не ставил перед экипажем задачи добраться до цели любой ценой, по экстремальному императиву, хотя специалисты, разумеется, жаждали поскорее выяснить, правы ли они, назвав обнаруженный объект Сферой Дайсона.

– Все мировые астрофизики на ушах стоят, – с легкой улыбкой заметил по этому поводу при расставании Волгин. – Мало кто верил, что какая-то цивилизация решится на такую грандиозную стройку.

Он имел в виду, что земные ученые еще сто пятьдесят лет назад предложили идею создания вокруг звезды сферы, получившей впоследствии название Сфера Дайсона, для полной утилизации ее энергии. Но всерьез о реализации таких грандиозных сооружений никто не рассуждал.

– Это же не первая встреча с ксенотиками, – ответил Бугров с недоверием. – По крайней мере на десятке открытых планет[5] у других звезд обнаружены развалины древних цивилизаций. А на планетах фуора мы вообще обнаружили живых.

– С этими фуорянами еще разбираться и разбираться, – пожал плечами генерал. – Они то есть, то их нет. Туда скоро пошлют экспедицию коммуникаторов. Но Сфера Дайсона – не менее интересный объект, многие хотели бы пощупать ее руками. Вам доверили первыми сделать это. Желаю удачи, капитан. Ждем вас с надеждой, что вы принесете добрые вести и не встрянете в межзвездный конфликт. А то и привезете инопланетян для контакта.

– Будем стараться! – пообещал Бугров.

Через четверть часа «Дерзкий» взмыл в черное лунное небо, используя эгран – генератор антигравитации, а еще через полчаса исчез во тьме пространства, направляясь в глубины созвездия Ориона.

---

[4] В космосе принят порядок времяисчисления, соответствующий земному, при котором началом суточного цикла считалось время земного нулевого меридиана.

[5] В настоящее время с помощью внеземных и наземных телескопов у других звезд открыто более тысячи планет. К 2117 году будет открыто на порядки больше.

4

Найти цель, практически не испускающую излучений, кроме потока почти неуловимых нейтрино, оказалось непростым делом.

До района расположения предполагаемой Сферы Дайсона «Дерзкий» добрался быстро, всего за три часа, из которых два часа пятьдесят девять минут ушло на подготовку прыжков в «трещины», после того как он отдалился от Луны на один миллион километров, и лишь десять секунд было потрачено на включении ГСП-хода и сами прыжки.

В созвездие Ориона по каталогам земных астрономов входит около трехсот звезд. Большинство из них были открыты сравнительно недавно – в течение последних полусотни лет, так как они представляли собой неяркие объекты – красные или коричневые карлики либо звезды, скрытые облаками пыли.

С Земли участок неба в направлении на омикрон два-два зет Ориона вообще не содержал источников света, а поскольку Сфера Дайсона тоже не должна была светиться в регистрируемых телескопами диапазонах электромагнитного излучения, за исключением инфракрасного и микроволнового, компьютеру «Дерзкого» по имени Эрг пришлось приложить немало усилий, прежде чем корабль смог сориентироваться и вторым ГСП-прыжком добраться до цели.

«Дерзкий» замер перед пугающе черным провалом, занимающим почти все поле обзора. Диаметр провала, заслонившего звезды глубин Ориона, был равен полутора астрономическим единицам, что составляло около двухсот двадцати пяти миллионов километров. Примерно таков был диаметр орбиты второй планеты Солнечной системы – Венеры, и вполне можно было ожидать, что внутри этой черной сферы, испускающей слабое инфракрасное излучение (что стало доступно аппаратуре корабля только с расстояния в пять миллионов километров), прячется планета, закрытая непроницаемым для света пузырем.

– Подходим ближе, – объявил Бугров. – Режим «Чужой».

Пассажиры зароптали. Императив под названием «Чужой» представлял собой инструкцию по поведению земных косморазведчиков при встрече с чужой агрессивной жизнью. В представлении же экспертов и ученых исследовательской группы Сфера Дайсона хотя и представляла собой искусственный объект, но не связывалась с агрессивными действиями ее создателей. Однако объяснять свое решение капитан не стал, и ропот стих.

«Дерзкий» набрал скорость, используя эгран, и за час приблизился к невидимому «пузырю» на четыре миллиона километров, включив все свои системы обзора и анализа пространства.

Оболочка Сферы почти не отражала свет звезд, поэтому приходилось полагаться только на показания датчиков, принимающих низкочастотное излучение, микроволны и гравитационные поля.

Компьютер нарисовал синтезированное из разных изображений общее, в приближении к нормальному человеческому зрительному восприятию, и космонавты увидели в глубине экрана бугристую синеватую стену, удивительно напоминающую поверхность океана во время сильного волнения. Только застывшую. Впечатление складывалось такое, будто Сфера была сформирована слоем кипящей воды, замерзшей под ударом холода космического пространства и сохранившей свою волнистую форму.

– Лед! – пробормотал Томас Нурманн.

– Этого не может быть! – возразил Шустов.

– Почему не может?

– Лед слишком хрупок для строительного материала Сферы. А мы видим сплошное поле.

– Там видны трещины… как будто…

– Для сохранения формы под воздействием неравномерного гравитационного поля звезды материал оболочки Сферы должен быть на порядки прочнее стали. Лед давно растрескался бы и образовал облако астероидов и ледяных глыб. А мы видим непроницаемую твердую поверхность, не отличимую от поверхности планеты. Эрг, какова масса объекта?

– Приблизительно один миллион земных, – ответил компьютер.

– При объеме Сферы с радиусом в треть ае[6] можно предположить, что звезда, которую она окружает, – красный или оранжевый карлик. Даже если внутри вращается какая-нибудь планета.

– А если создатели Сферы использовали для ее строительства все внутренние планеты?

– Вряд ли там уместилось бы много планет, не больше двух-трех, в то время как на такую работу требуется по меньшей мере строительный материал сотни планет. Тем более что это наверняка не лед. Эрг, высвети нам таблицу спектрального анализа.

Компьютер выдал на ложементы экипажа и кресла пассажиров все данные, какие имел.

– Да, это не лед, – согласился Нурманн. – Но и не горные породы. И не металл. С ума можно сойти! Из чего она сделана?

– Похоже, это чистый углерод.

– Алмаз?!

– Виталий Семенович, – вызвал капитана Шустов. – Надо садиться. Издали мы ничего не определим.

– Предлагаю сначала облететь этот шарик кругом, – сказал Бугров. – Найдем подходящее место для посадки и приземлимся.

Возражений не последовало.

«Дерзкий» приблизился к Сфере еще на полмиллиона километров и направился вокруг «застывшего алмазного океана», постепенно снижаясь.

Стали видны «полыньи» – гигантские гладкие поля «льда», покрытые более темным материалом, нежели «волны» и «торосы», а также кратеры и ямы. Но все они были неглубокими, до полусотни метров, и не пробивали оболочку Сферы насквозь.

Компьютер после сотен измерений формы Сферы и дистанционного анализа ее пород выдал свои выводы: Сфера действительно имела практически близкую к идеальной сферическую форму, а материалом ее оболочки является обычный углерод, но в абсолютно необычном кристаллическом состоянии.

– Суперфуллерен! – назвал этот материал Нурманн. – Жаль, что не алмаз.

– Этого не может быть! – повторил свое заклинание Шустов.

– Но это факт, – посочувствовал ему Нурманн. – Наверное, Сфера сохранила форму именно из-за прочности этого суперуглерода.

Женщины экспедиции молчали. Они являлись специалистами в других областях науки и ждали своего часа, чтобы применить знания в деле.

– Еще один круг, – объявил капитан Бугров. – Теперь в меридиональном направлении, если не возражаете.

Никаких ориентиров, конечно, Сфера не имела, ее магнитное поле практически равнялось нулю, и определить, где север, где юг, было невозможно. Однако для удобства навигации Эрг взял противоположные районы Сферы в качестве полярных реперов, чтобы можно было ориентироваться относительно ее поверхности, и она получила условные «экватор», «северный полюс» и «южный полюс».

«Дерзкий» перестал наматывать круги в широтной полосе и направился к «северному полюсу».

---

[6] Единица измерений космических расстояний, равна радиусу вращения Земли вокруг Солнца – 149,6 млн км.

А через некоторое время система визуального контроля корабля получила с поверхности отраженный сигнал, и Эрг доложил:

– Фиксирую выход металла.

Оживились не только эксперты исследовательской группы.

– Капитан, разрешите разведрейд? – азартно предложил изнывающий от безделья Ломакин.

– Присоединяюсь! – одобрил его идею Филипп Каледин, входящий в команду исследователей в качестве оператора беспилотных систем и пилота шлюпа.

– Согласен с вами, – отозвался Шустов. – Виталий Семенович, как вы смотрите на посадку?

– Оценим объект и решим, – сказал Бугров.

С высоты в двести километров, на которую опустился корабль после сообщения Эрга, стали отчетливей видны «выходы металла».

К удивлению космонавтов, это оказался космический корабль, судя по его форме, мало отличимой от ракетных систем землян начала двадцать первого века.

– Капитан! – разволновался Ломакин. – Похоже, мы здесь не первые?!

– Может быть, это корабль строителей Сферы? – нерешительно сказал Нурманн.

– Такой примитивной формы? Строители смогли вырастить Сферу из углерода и при этом пользовались допотопными реактивными ракетами?

– Форма не всегда отражает содержание.

– Эрг, пакет «К» в сигнале! – скомандовал Бугров.

Компьютер выполнил распоряжение капитана, послав вниз на всех доступных диапазонах связи программу контакта, разработанную учеными-ксенологами Земли. Программа была продублирована на четырех языках: русском, китайском, английском и математическом.

Однако ответа не последовало. Торчащий из неглубокого кратера чужой космолет остался нем и недвижим. Не сверкнул ни один лучик света, не шевельнулся ни один люк, если они там, конечно, были, в эфир не просочился ни один радиосигнал.

– Еще раз.

Однако ни на второе послание, ни на третье чужак не ответил, оставаясь глыбой мертвого металла, хотя с виду он поврежден не был.

– Садимся! – сказал капитан Бугров.

«Дерзкий» пошел на посадку.

5

Корабль инопланетян оказался не только не поврежденным внешне, он и внутри создавал впечатление вполне работоспособного сооружения, готового к полету. Войти в него не составило труда, так как его люки оказались открытыми. А вот куда делся экипаж космолета, осталось загадкой.

Разведчики – Ломакин и Каледин – обнаружили в центре управления корабля, мало отличимом от командных постов земных ракет, только два трупа. Существа походили скорее на крупных лемуров, чем на людей, и, судя по их позам и наличию оружия в лапах, они просто-напросто убили друг друга. После чего никто в рубку управления так и не вошел. Компьютер корабля по истечении длительного времени (Шустов определил этот временной отрезок в пятьсот лет) перешел в спящий режим, не получая никаких сигналов и распоряжений от хозяев, после чего открыл люки и стал ждать.

В течение двух последующих суток на «ракете» побывали все пассажиры «Дерзкого» и свободные от вахты члены экипажа.

В «ракете» и вокруг нее были развернуты исследовательские комплексы, и ученые начали искать причину странного происшествия, после которого корабль так и не стартовал на свою родину.

Вскоре удалось оживить компьютер космолета, подключив внешнее элктропитание, по параметрам близкое к земному, и выяснить, что численность его экипажа достигала четырнадцати «лемуров», но все они на борту корабля почему-то отсутствовали. Ксенологини экспедиции проанализировали последние видеозаписи в памяти компьютера «ракеты», разработали модель взаимодействий членов экипажа между собой и сделали вывод, что «лемуры» обнаружили какой-то «артефакт» на поверхности Сферы, начали его исследовать, но поссорились и перебили друг друга.

– Что за артефакт они нашли? – спросил Бугров у Шустова, буквально поселившегося в «ракете».

– Не знаю, – ответил глава группы.

– Почему вы решили, что речь идет об артефакте?

– Понимаете, Виталий Семенович, язык этих братцев по разуму пока не поддается расшифровке, мы интерпретируем записанный их компьютером видеоряд. Артефакт – это наш перевод, так сказать.

– Где он находится?

– Точного района расположения компьютер почему-то не знает, но, по всей видимости, где-то недалеко от корабля, надо искать.

– Они пешком передвигались?

– В их транспортном трюме остался всего один аппарат, напоминает летающую тарелку. Наверное, они передвигались на таких «тарелках».

Поднимать корабль над поверхностью Сферы не хотелось, и Бугров вызвал Ломакина:

– Иван, обследуй этот район «моря» по развертывающейся спирали. Лемуры где-то наткнулись на артефакт, а летали на «тарелках».

– Понял, капитан, – ответил оператор, чей шлюп в этот момент находился рядом с лемурской «ракетой». Ему тоже удалось побывать внутри инопланетного корабля, но его помощь исследователям была не нужна.

– Высылаю тебе в помощь два дрона, – добавил Бугров.

Шлюп взлетел.

«Дерзкий» выстрелил очередью беспилотников, имеющих видеокамеры и датчики.

На стекло шлема Ломакина легла призрачная картинка изломов «углеродного льда», передаваемая дронами. Хотя пока что их информация была лишней, он и сам все прекрасно видел.

Искать артефакт долго не пришлось.

Сначала беспилотники зафиксировали нечто вроде необычной формы – чисто губа кита! – «ледяную» арку в километре от «ракеты» лемуров, затем компьютер шлюпа поймал отраженный от арки сигнал локатора, и стало понятно, что «арка» накрывает некую щель или пещеру, уходящую в глубь «ледяного» слоя Сферы, в которой находится что-то металлическое.

– Нашел!

– Не спеши, – осадил молодого человека Бугров. – Продолжаем работать по протоколу «Чужой», не забывай.

– Как можно, капитан? Хотя ничего опасного не наблюдаю, все тихо-мирно.

– Тем не менее лемуры погибли.

– Они перестреляли друг друга.

– Могу подстраховать, – раздался в наушниках рации голос Каледина.

– Благодарствую, Фил, я справлюсь, – ответил Ломакин.

– Отправляйтесь следом, Филипп, – сказал Бугров. – Пойдете парой. Надеюсь, вам не надо напоминать…

– О протоколе? – весело подхватил жизнерадостный Каледин. – Нет, капитан, я помню.

– Подключайте к системам контроля дроны.

– Ок.

– Иван, жди коллегу.

Ломакин хотел было процитировать капитану классика: кто не рискует, тот не пьет шампанского, – но не отважился.

– Слушаюсь, капитан.

Через минуту кибер-пилот шлюпа подвесил аппарат над синеватой в лучах прожектора, мутно-прозрачной «ледяной» «губой кита-кашалота».

По сути, это был карниз над щелью «пасти кашалота», образованный почти горизонтальной пластиной «льда».

Ломакин направил внутрь темной «пасти» луч прожектора.

Рядом завис катер Каледина:

– Что нашел?

– Внутри что-то блестит.

– Надо выйти и посмотреть.

– Сначала запустим дрон, дружище.

– Соблюдаем СРАМ?[7] – засмеялся Каледин. – Срам, да и только.

Ломакин вспыхнул, но сдержался.

– Срам будет, если мы ошибемся.

Беспилотник, напоминающий небольшого размера речного ската, скользнул под «губу кашалота».

Над консолью управления шлюпом вырос призрачный лист экрана, развернулся объемным окном. Прожекторов дрон не имел, но его видеокамеры обладали высокой чувствительностью, и света бортового осветителя хватало, чтобы в подробностях рассмотреть открывшееся пространство пещеры, напоминающей глотку гигантского кита.

Высота «глотки» достигала четырех-пяти метров, ширина – более двух десятков метров, а задний ее конец был не виден, так как уходил под углом в тридцать градусов в глубины «ледяного» слоя Сферы.

Округлый потолок пещеры был волнистым, как стиральная доска, словно действительно представлял когда-то слой воды, покрытый извилистыми волнами. Пол пещеры также представлял собой взбаламученный слой «воды», покрытый барашками замерзших волн.

В центре пещеры стояла знакомая лемурская «летающая тарелка» с распахнутым боковым люком. За ней, ближе к дальнему концу полости, располагалась вторая. А между ними неподвижно лежали два лемура в тускло мерцающих серебром скафандрах. С оружием в руках, вполне похожим на земные пистолеты.

– Трупы! – прокомментировал изображение Филипп; он тоже получал передачи беспилотника. – Что здесь происходит?! С какого бодуна они устроили разборки меж собой?!

– Надо разбираться. Но я вижу только два тела, где остальные?

– Предлагаю двинуться дальше, в глубь пещеры. Больше им некуда деться.

– Давай, все равно придется когда-нибудь проверить этот ход. Я пойду первым.

– Почему ты?

– Потому что прилетел сюда первым.

– Какое это имеет значение?

---

[7] СРАМ – аббревиатура слов инструкции космонавта-разведчика: «сведение риска к абсолютному минимуму».

Ломакин снова почувствовал коготок раздражения, процарапавший голову, однако и на этот раз сумел взять себя в руки.

– Отвечаешь за спину, дружище.

Шлюп мягко скользнул в «глотку кашалота» глыбой жидкого металла, преобразуя форму корпуса из идеальной капли в линзу с «крылышками». Это был аппарат-трансформер, имеющий множество геометрических вариантов преобразования тела, способный двигаться в любых жидких и газовых средах и даже протискиваться в узкие щели.

Филипп был вынужден последовать за оператором «Дерзкого».

Зависли рядом с «тарелками» лемуров, отрабатывая пункты императива «Чужой»: мигали прожекторами, включив рации на непрерывный запрос-дозвон, всматривались в столбцы символов и цифр, ползущие по внутренним поверхностям шлемных стекол, означающие параметры внешней среды, вслушивались в голоса бортовых компьютеров, оценивающих степень внешних угроз, держали пальцы, условно говоря (компьютер оружейных систем реагировал на их мысли), на «гашетках пулеметов»: десантные шлюпы класса «броненосец» мало в чем уступали по защищенности модулям высшей защиты класса «голем», а оружием обладали таким же: «громобоями» – высоковольтными разрядниками, лазерами и ракетными комплексами «Оса-2100».

– Сквозняком тянет… – пробормотал Ломакин.

– Каким еще сквозняком? – удивился Каледин.

– Нехорошим… не чуешь?

Филипп помолчал.

– Ничем не пахнет… ты пошутил?

– Это не запах… что-то на уровне подсознalки… такое впечатление, будто гниет куча навоза…

Каледин засмеялся.

– Ну и фантазия у вас, маэстро! Стихи, случайно, не пишете? Предлагаю сделать бросок вперед, надо же выяснить, куда подевались остальные лемуры.

Его катер первым устремился в горловину пещеры, ощупывая пол, стены и потолок лучом прожектора.

Ломакин сдержал негодующий окрик, подумав, что нет смысла спорить, кто главный и кто первый. Они в этом рейде были на равных. Хотя так и подмывало осадить горячего оператора исследовательской группы, сующего нос «поперек батьки в пекло».

Дальний конец пещеры действительно уходил под слой «льда» под углом в тридцать градусов, пока не превратился в суживающуюся вертикальную шахту.

– Не спеши, – сказал Иван, ощущая неприятный ветерок, шевелящий волосы на затылке. Это был не страх, а нечто другое, ожидание недобрых событий, каких-то негативных сюрпризов, запах тления, навеянный трупами инопланетян, ветерок опасности, который он назвал «сквозняком», и что-то еще, темной пропастью нависшее над головой.

Каледин не послушался.

– Дрон ничего опасного не видит, – весело сказал он.

– Тоннель сужается…

– Если уж «тарелки» лемуров тут пролезли, а они не меньше наших «броненосцев», то и мы протиснемся.

Дальше передвигались молча, разглядывая кольчатые неровные наплывы стен шахты, превратившейся в бликующую глазурью кишку.

– Похоже, здесь поработали плазменные резаки, – заметил Филипп. – Как ты думаешь, кто пробивал ход? Хозяева Сферы или лемуры?

Ломакин не ответил, хотя сам задавал себе те же вопросы.

Опустились примерно на километр.

Дрон, ласточкой скользивший в авангарде отряда, отметил расширение хода, впереди на стенах появился красноватый отблеск, словно тоннель был освещен, и шлюпы один за другим вылетели из тоннеля в распахнувшуюся пропасть пространства, пронизанного лучами багровой звезды. Зависли над устьем тоннеля, завороженно разглядывая открывшийся взору ландшафт.

Сфера Дайсона действительно представляла собой оболочку сферической формы, охватывающую значительную часть космоса со звездой в центре системы.

Звезда была класса красных карликов и испускала густой красный, ближе к багровому и вишневому, свет, озарявший Сферу изнутри.

Внутренняя поверхность Сферы представляла такое же «ледяное» поле с застывшими барашками волн, каким казалась ее внешняя поверхность. Края Сферы плавно уходили вверх на недосягаемую высоту, образуя вогнутую чашу, края которой исчезали где-то на невероятной высоте. Вернее, растворялись на фоне сгущающейся черноты внутреннего пространства Сферы.

«Кротовая дыра» тоннеля, проплавленная в оболочке Сферы неведомо кем, была окружена валом рыхлого с виду черного материала, напоминающего сажу.

Ломакин вспомнил, что вся Сфера отлита из модификаций углерода.

А дальше, за валом, до самого «горизонта» на высоте тысяч километров шла настоящая мусорная свалка!

Вся волнистая поверхность «углеродного льда» была покрыта холмами, сложенными миллионами разнокалиберных контейнеров разной геометрической формы, грязно-серыми тюками (ни дать ни взять – матерчатые мешки, какими пользовались когда-то земляне), пузырями «пластиковых» пакетов и скоплениями обломков каких-то конструкций. Куда бы Ломакин ни кидал взгляд, он видел горы и горы мусора, бочек, мешков, пакетов, контейнеров и, образно говоря, «битой посуды». Лишь кое-где виднелись свободные от мусора «полыньи» да редкие сооружения наподобие земных четырехугольных пирамид. Облитые светом близкой звезды, цвета запекшейся крови, они казались кусками мяса, разбросанными по равнине Сферы, и даже смотреть на них почему-то было тревожно.

– Ты что-нибудь понимаешь? – нарушил молчание Филипп.

– Свалка…

– Что?!

– Свалка отходов жизнедеятельности хозяев Сферы.

– Ты считаешь, что они создали Сферу, чтобы сбрасывать на нее мусор?!

– Почему нет?

– Чушь собачья!

– Поосторожней в выражениях, дружище.

– А то что?

Ломакин с трудом погасил вспыхнувший в душе огонек гнева.

– Посмотри левее, на пирамиду, ничего не видишь?

– Нет.

Ломакин тронул шлюп с места и остановил его над валом «мусора», уходящего к угрюмой черно-бордовой пирамиде вздутием вены на человеческой руке. У самого начала вала лежала лемурская тарелка, уткнувшись развороченным носом в гору «мешков».

Подлетел шлюп Каледина.

– Ну и зрение у вас, маэстро. Похоже, лемуры устроили ДТП.

– Катер взорван изнутри.

– С чего ты взял?

– Посмотри повнимательней на остатки катера. Он сначала взорвался, а потом врезался в горку «мешков». Надо все осмотреть, остальные лемурские катера тоже должны быть здесь.

Он велел беспилотнику подняться повыше и летать кругами с увеличивающимся радиусом. После чего направил шлюп к пирамиде.

Летающую технику лемуров они обнаружили одновременно – дрон и сам Иван. Три «тарелки» лежали в ложбинах между горами контейнеров, еще одна воткнулась носом в пирамиду, пробив ее грань. Было видно, что лемурские катера повреждены, а возле контейнерных гор лежат знакомые тела в тускло отсвечивающих кровавыми бликами скафандрах. Когда-то здесь развернулась битва между лемурами, хотя понять причины их агрессии друг к другу было невозможно.

– С ума они посходили, что ли? – пробормотал Каледин.

Ломакин попробовал связаться с капитаном, но не смог. Оболочка Сферы экранировала радиоволны.

– Уходим.

– Мы даже не осмотрелись как следует.

– Для первого раза достаточно. Доложим начальству и вернемся сюда с аппаратурой и специалистами.

– Возвращайся, а я хочу привезти побольше информации.

Шлюп Каледина двинулся к пирамиде, которую протаранила лемурская «тарелка».

Ломакин бросил свой катер между «броненосцем» Филиппа и пирамидой.

– Не дури, Фил! Здесь происходит что-то непонятное! Члены экипажа космолета просто так не станут стрелять друг в друга! Вдруг в этих контейнерах или в бочках спрятаны вирусы? Или какие-нибудь опасные наркотики, психотропики, еще какая-нибудь зараза! Мы рискуем подхватить жуткую болезнь! Надо срочно сообщить старшим!

– Ну и лети, докладывай, если ты младший. – Филипп хихикнул. – Маменькин сынок. А я тут поищу чего-нибудь существенного.

Ломакин с трудом погасил приступ бешенства.

– Фил, не сходи с ума! Протокол «Чужой» запрещает рискованные маневры без обсуждения ситуации! Если лемуры заразились, отчего и перестреляли друг друга, то эта свалка чудовищно опасна!

– Да ладно тебе, Иван, «броненосцы» прекрасно защищены.

– Идем назад!

– А то что? Откроешь огонь? Так я отвечу!

– Идиот! – выдохнул Ломакин, судорожно отгоняя мысль выстрелить.

– Эй, пацан, ответишь за базар! – озлился Каледин. – Прочь с дороги!

Черное облако ослепляющей ненависти опустилось на голову. И чтобы не поддаться ему, Иван последним усилием воли скомандовал киб-пилоту:

– Домой!

Шлюп развернулся и прыгнул к тоннелю.

Вслед ему донесся хохот Каледина…

6

Бугров выслушал сообщение Ивана с непроницаемым видом. Поднял на оператора холодные глаза:

– Я правильно понял? Каледин первым завелся?

Иван вспыхнул, но глаз не отвел.

– Клянусь здоровьем!

– Ладно, иди, разберемся.

– Но он там один…

– Вернулся парень, пару минут назад.

Ломакин с облегчением вздохнул.

– Тогда ладно.

– Иди, Шустов собирает свою команду, расскажешь, что знаешь. Потом решим, кого и когда посылать в ту дырку.

Иван быстро привел себя в порядок, посетив санузел каюты, и поспешил в кают-компанию.

В уютном отсеке отдыха собрались члены экспертной группы. Ждали обоих пилотов, чтобы выслушать их обстоятельный рассказ о полете сквозь оболочку Сферы.

Оказалось, Каледин прибыл на совещание раньше Ивана, и, судя по тому, как разговоры в кают-компании стихли, он как раз в этот момент вспоминал Ломакина. Смущенно отвел глаза, когда Иван переступил порог кают-компании.

– Иван, почему вы бросили нашего оператора одного? – с укором проговорил седеющий, бородка клинышком, Шустов.

Ломакин вскинул брови, залился краской, попытался поймать взгляд Филиппа.

– Я не бросал! Он может подтвердить. Наоборот, я предложил вернуться вместе, но он остался. Фил, почему ты молчишь?

– Я не молчу, – проговорил Каледин. – Мы… не поняли друг друга.

– Ну коли так, попрошу обоих придерживаться существующих правил: работать только в паре. – Шустов кивнул на стул: – Присаживайтесь, Иван.

Ломакин сел, успокаивая дыхание.

– Филипп уже вкратце ввел нас в курс дела, – продолжал Шустов. – Хотелось бы уточнить детали. Не возражаете?

– Нет.

– Звезду в центре Сферы вы видели, но планету не обнаружили, так?

– Нет. То есть да – не обнаружили. «Броненосцы» не обладают необходимой для этого аппаратурой. Нужны телескопы и датчики.

– Не может случиться так, что хозяева Сферы живут на ее внутренней поверхности?

Иван задумался, качнул головой.

– Мы видели только свалку…

– На какой площади?

– Насколько хватало оптики. Визуально – не меньше тысячи километров.

– Я предложил ему сделать марш-бросок, – сказал Филипп. – Но он сослался на инструкцию СРАМ.

– И правильно сделал, – строго сказал Шустов. – Мы не знаем, что произошло внутри Сферы.

– Вирус, – буркнул Иван.

– Что, простите?

– На свободу вырвался какой-то вирус, лемуры заразились и…

– Превратились в зомби! – фыркнул Каледин. – После чего с перепугу перебили друг друга.

Ломакин сжал губы.

– Именно так все и было! Мы не имеем права рисковать.

– Кто не рискует… – начал Филипп дурашливым тоном.

– Каледин! – металлическим голосом произнес Нурманн. – Вы не на пикнике! Извольте действовать согласно императиву, предусмотренному инструкцией! И следите за речью!

Филипп пожевал губами, но продолжать в том же ключе не стал.

– Извините.

Шустов посмотрел на лицо члена группы с сомнением, перевел взгляд на Ломакина:

– Прошу прощения, Иван. Что вы видели еще?

Ломакин преодолел желание хлопнуть дверью, хотя его так и подмывало это сделать.

– Мусорные горы… пирамиды…

– Да-да, расскажите о пирамидах.

– Они большие, метров под двадцать в высоту, и с виду не похожи на мусорные контейнеры. – В голову пришла хорошая мысль. – Скорее всего, это могильники наподобие земных.

– Могильники?

– Ну да, скотомогильники или хранилища биологически опасных материалов. – Иван подумал. – Либо радиоактивных.

– Датчики не зафиксировали радиации, – возразил Каледин.

– Тогда это химические или биологические захоронения. Одну пирамиду пробил лемурский катер. Возможно, вирусы из пирамиды вырвались на волю и заразили лемуров. Я предупреждал вашего сотрудника, что приближаться к пирамиде опасно, однако он не послушался.

– Там внутри Сферы вакуум, – хмуро сказал Филипп. – Температура почти равная абсолютному нулю[8]. Никакие вирусы не выживут.

– Весьма спорный аргумент, – пожал плечами Нурманн. – Теория панспермии, наоборот, доказывает, что вирусы легко разносятся по космосу и активируют на планетах жизненные процессы.

– Это не тот случай.

– У вас ко мне все? – поднялся Ломакин, поймав заинтересованный взгляд Фьоретты; женщина ему сочувствовала.

Ученые переглянулись.

– Надо готовить серьезную программу, – сказала Карла де Лонгвиль.

– Нас мало, – с сожалением развел руками Нурманн.

– Разделимся, – решил Шустов. – Вы, Фьоретта, и вы, Томас, останетесь на корабле лемуроидов, надо закончить начатые там работы. Я и Карла отправимся внутрь Сферы.

– И я! – вскинул вверх руку Каледин.

Шустов посмотрел на него, сдвинув брови.

– Вам надо пройти медицинское обследование, Филипп.

– Зачем? – удивился Каледин.

– Необходимо перестраховаться.

– Да что вы заладили – вирус, вирус! Я здоров! Даже если в пирамиде были вирусы, в чем я сильно сомневаюсь, они не могли просочиться внутрь «броненосца»! К тому же катер при возвращении прошел шлюзование и санобработку.

Шустов посмотрел на Ломакина, развел руками.

– И вам тоже, Иван. Этого требует ситуация.

Ломакин хотел возразить, но вспомнил выражение глаз капитана Бугрова и выдохнул воздух сквозь стиснутые зубы:

– Хорошо.

Лицо Шустова приобрело несчастное выражение.

– Не обижайтесь, Иван, прошу меня понять. Нам всем придется пройти обследование. Возможно, даже придется объявлять карантин. Во всяком случае, все походы в Сферу начнем совершать только после обследования. Капитан, нужно ваше слово.

– Я все слышал, – принесли динамики кают-компании голос капитана Бугрова. – Одобряю. Иван, марш в медбункер!

Ломакин глянул на Каледина, сделал приглашающий жест:

– Идем.

– Ты первый, – осклабился Филипп.

---

[8] –273 градуса по Цельсию.

7

Обследование, проведенное Ириной Легровой с помощью медицинского комбайна, не выявило никаких патологий в организмах обоих молодых людей. Не обнаружилось и каких-то незнакомых вирусов. Лишь одно обстоятельство обеспокоило компьютер: повышенная возбудимость космонавтов. Они слишком бурно реагировали на слова друг друга и на предлагаемые совместные действия, как на вызов на дуэль, и перестали проявлять дружеские чувства, что соединяли их раньше.

Впрочем, примерно в таком же состоянии находились и все космонавты, даже члены экипажа «Дерзкого», не покидавшие корабль. Их многое раздражало в поведении пассажиров, хотя и в меньшей степени. Но поскольку экспедиция не могла находиться вдали от родины долго, капитан Бугров, посовещавшись с начальником экспертной группы, дал добро на продолжение исследований найденных артефактов.

Нурманна и Карлу де Лонгвиль доставил на корабль лемуров «броненосец» под управлением Альберта Полонски. Навигатору вменили в обязанность оказывать содействие ученым, и он остался вместе с ними.

Шустова и Фьоретту взял на борт шлюпа Каледин.

Им предстояло заняться изучением внутренних областей Сферы.

Прикинув объем предполагаемых работ, Бугров отправил туда же, внутрь Сферы, и своих подчиненных: Ломакина, исполняющего, кроме своих прямых обязанностей техника-оператора, еще и роль пилота и гаранта безопасности, и Леона Батлера. Им поручалось разобраться в причинах гибели лемуров, для чего в распоряжение космонавтов была передана киб-лаборатория для биомедицинских анализов, два беспилотника и автономный модуль для внешней дезосанитарной обработки скафандров и шлюпов.

После пятичасового отдыха Иван вывел «броненосец» из транспортного терминала «Дерзкого», испытывая странное волнение, будто перед встречей на ринге с сильным противником. Из памяти не выходили странные придирки и поступки ранее веселого парня, каким был Филипп до знакомства, хотя Иван и признавался в душе, что сам вел себя не лучшим образом. И все же казалось, что именно Каледин испытывает какой-то кризис, а он, Иван, всего лишь отбивает его выпады.

Шлюп нырнул под «губу кашалота» и вылетел из тоннеля, пробуравившего Сферу, уже по ту сторону ее оболочки, толщина которой была везде одинаковой – около километра.

Прибывшие ранее эксперты уже вовсю работали возле своих роботизированных модулей, представлявших собой комплексы с разного рода аппаратурой, обладающие способностью самостоятельно передвигаться по пересеченной местности, поставили купольные палатки и развернули антенны локаторов и датчиков.

Фьоретта Месси настраивала комплекс измерителей, стволы которого смотрели на звезду, а также на протараненную пирамиду. Шустов вместе с роботом-техником возился у горы контейнеров грязно-бордового цвета. Впрочем, цвет у всех мусорных холмов казался одинаковым, так как все они освещались багровыми лучами центральной звезды системы.

Уже было известно, что планет внутри этого колоссального пузыря нет, зато присутствует пояс астероидов, что позволило Шустову сделать предположение о нахождении жизни на внутренней поверхности Сферы. Просто космонавтам повезло наткнуться именно на мусорную свалку, в то время как обитаемая зона Сферы скрывалась где-то «за горизонтом».

Правда, Нурманн предложил еще одну версию организации местной жизни, восходящую к нестабильности политической обстановки в мире хозяев Сферы. По этой версии они устроили всеобщую войну и взорвали планету, от которой осталось теперь только облако астероидов.

– Возможно, – добавил археолог, – что какая-то часть населения действительно переселилась на внутреннюю поверхность Сферы, а их служба безопасности обнаружила лемуров и уничтожила их.

– Мало верится, – сказал Шустов с сомнением. – По внешним признакам можно судить, что лемуры сами перестреляли друг друга. Истина может разительно отличаться от наших впечатлений. Будем работать.

– Я могу прошвырнуться по системе и осмотреть большую часть поверхности вокруг нашей базы, – предложил Каледин.

– Одному летать запрещает…

– СРАМ! – расхохотался Филипп.

– Напрасно смеетесь, молодой человек, капитан потребует отчета и вполне может запретить вам покидать борт корабля. Если лететь на разведку, то хотя бы сделайте это вместе с Иваном.

– У него свои обязанности. Буду держать вас в курсе всех открытий.

Шлюп Каледина улетел.

– Извините, Иван, – сказал Шустов удрученно, – Филиппа иногда заносит.

– Это его проблемы, – буркнул Ломакин. – Ситуация чревата сюрпризами, и он вполне может напороться на неприятность.

– Помоги, Ваня, – попросила Батлер.

Иван направился к нему.

С час они расставляли модули, датчики, запускали дроны и ставили палатки.

Филипп молчал, и это тревожило, так как ни на один вызов Шустова оператор не ответил. Куда он направился, представить было трудно.

– Слетайте за ним, – забеспокоился и Шустов.

– Куда? – хмыкнул Ломакин. – Он мог полететь в любую сторону, а обследовать надо миллионы квадратных километров площади. Здесь нужна целая эскадрилья беспилотников класса «орлан».

– Я видел, что он полетел вон за ту горку, – показал рукой Нурманн.

– Хорошо, посмотрю, – нехотя сказал Иван. – Леон, не возражаешь? Справишься один?

– Справлюсь, – ответил бортинженер. – Хотя я бы посоветовался прежде с капитаном.

– Я ненадолго, покручусь полчаса – и назад.

Батлер промолчал.

Настроение испортилось окончательно. Стало казаться, что кто-то смотрит на них внимательно, с угрозой, а кровавые отблески на контейнерах и бочках вообще стали казаться омерзительными. Переборов себя, Иван сказал нарочито бодрым голосом:

– Найду сорванца и верну в лоно науки.

Не получив ответа, что только усилило раздражение, Иван нырнул в шлюп и рывком бросил его в «небо» Сферы.

«Мусорная свалка» легла под аппаратом грандиозным бликующим ковром, запятнанным странным «мхом» и «лишайником». Еще во время первого похода он видел этот ковер с высоты в пару километров, теперь же мог оценить масштабы «свалки» с пятидесятикилометровой высоты.

Филипп, совершивший такой же прыжок час назад, был прав: до самых размытых расстоянием краев гигантской чаши, какой виделась Сфера с борта «броненосца», взор натыкался на кучи «мусора», становившиеся по мере удаления поднимавшихся краев чаши все меньше и меньше, пока они не превращались в рубиновые блестки бисера, сплошь покрывавшего внутреннюю поверхность Сферы.

– Однако! – невольно пробормотал Иван.

– Что-нибудь заметили? – отозвался Шустов.

– Н-нет, просто офигел… извините…

– Бывает, – хмыкнул начальник группы. – Будьте осторожны, не залетайте далеко.

– Надо же найти вашего авантюриста-разведчика. Кстати, вы тоже поосторожней копайтесь в «мусоре», вдруг лемуры и в самом деле выпустили каких-нибудь вирусов?

Голос ученого похолодел.

– Занимайтесь своим делом, молодой человек.

Иван сгоряча чуть не выругался, но только высунул язык, сказав мысленно: ну и пошел к черту!

Шлюп набрал высоту и скорость, покидая район свалки с червоточиной тоннеля.

Но пилота ждало разочарование. За полчаса «броненосец» преодолел больше тысячи километров, однако пейзаж под ним почти не изменился. Поверхность Сферы была засыпана все теми же горами «мусора», среди которых изредка попадались знакомые пирамиды. Лишь где-то высоко-высоко, на пределе видимости, на краю чаши, стали появляться гладкие проплешины в сплошном мусорном ковре, свободные от нагромождений контейнеров, но полет до них занял бы не один час, Филипп по-прежнему не отзывался на вызовы, и Ломакин повернул обратно. К месту работы экспедиции он вернулся, как и рассчитывал, – через час.

Шлюп Филиппа как ни в чем не бывало рыскал чуть поодаль от раскинутого лагеря. Пилот его молчал.

У палаток с аппаратурой деловитым муравьем возился Леон Батлер. Шустов с Фьоретой погрузили на антиграв-платформу тело лемура и что-то с ним делали, надвинув на него прозрачный колпак МРТ.

– Елки-палки! – с возмущением проговорил Иван. – Фил, в чем дело? Почему не отвечаешь?

– Работаю, – был лаконичный ответ.

– Мог бы откликнуться, я бы не искал тебя напрасно целый час.

– Это твои проблемы.

– Игорь Ильич, – пробормотал Иван, шокированный поведением оператора группы. – Скажите ему… так нельзя.

– Потом разберемся, – ответил Шустов.

– Но ведь по инструкции мы не имеем права…

– Инструкции пишутся для недоумков, – донесся хохот Каледина. – Да для таких нежных мальчиков, как ты.

– Филипп, не так грубо, – недовольно произнес Шустов.

– Он того заслуживает.

– Я тоже не люблю инструкции, – сказала Месси. – В них нет никакой романтики.

– Они созданы для соблюдения режима безопасности.

– Вот пусть шестерки капитана Бугрова их и выполняют.

– Фьори?! В чем дело? – проговорил Шустов.

– Да надоели эти сопливые заботы!

Иван удивился: он знал Фьоретту как вежливую немногословную женщину, знавшую себе цену, но она никогда прежде не позволяла себе разговаривать в таком тоне с кем бы то ни было.

– Фьори, поможешь? – обратился к ней Батлер.

– У тебя есть помощник, – отрезала Месси. – Я сама зашиваюсь, дел по горло.

– Фьори? – опешил бортинженер.

– Что Фьори? Работай.

Иван присвистнул, с большим трудом удерживаясь от желания осадить ксенобиолога.

– Леон, я помогу.

– Не надо, – процедил Батлер. – И в самом деле, каждый должен заниматься своим делом. Последи за своими дронами.

– Я просто хотел…

– Это твои проблемы.

Удивленный реакцией Леона, Ломакин отступил. Он не считал себя исключительно уравновешенным человеком и все время принуждал психику не отвечать грубо, помня наставления Бугрова перед полетом, но чем больше боролся с собой, тем больше хотелось поставить на место и Фьоретту, и Батлера, и Филиппа, черт бы его побрал! Интересно, что он затеял у пирамиды?

Что-то сверкнуло над холмами из «бочек», в районе пирамиды, но не той, какую протаранил лемурский катер, а стоящей за ней в трехстах метрах.

Сверкнуло еще раз, и верхушку пирамиды как корова языком слизнула!

Ломакин понял, что «броненосец» Филиппа открыл огонь из лазерного комплекса.

– Фил?! Что ты делаешь?!

– Что случилось?! – всполошился Шустов.

– Черт! – Иван бросился к своему шлюпу. – Тронулся он, что ли?!

Шлюп взлетел.

В наушники выплеснулась волна голосов членов группы. Но Иван их не слушал. Крикнул сам:

– Фил, прекрати!

Однако Каледин не ответил.

Его катер поднялся над пирамидой с развороченной вершиной, потом спикировал на нее и нырнул в образовавшееся на месте вершины отверстие.

– Не понимаю, что на него нашло, – растерялся Шустов. – Иван, остановите его.

– Он уже нырнул в пирамиду!

– Нырнул?!

– Интересно, какая муха его укусила? – сердито осведомилась Фьоретта. – Игорь Ильич, Фил у нас свободный художник, но не до такой степени, его надо немедленно вытаскивать!

– Как же я его вытащу?

– Пошлите дрон на ту сторону Сферы, – сориентировался Ломакин. – Сообщите капитану. А я попробую достучаться до сознания вашего безбашенного сотрудника.

Шлюп спикировал на вершину пирамиды.

8

Сообщение, переданное вынырнувшим из «кротовой норы» беспилотником, заставило капитана Бугрова переосмыслить ситуацию, сложившуюся после открытия на внутренней поверхности Сферы «мусорной свалки».

Экипаж корабля не участвовал в маневрах экспедиционной группы, не считая Ивана Ломакина, и вел себя как обычно, при внешней несерьезности и легком бравировании выполняя свою работу с полной отдачей и осознанием ответственности.

Ломакин не являлся примером сдержанности для остальных, иногда переходя некие границы дозволенного. Об этом можно было судить даже по инциденту на базе, когда во время игры в волейбол Иван вспылил. Но на борту «Дерзкого» он не позволял себе лишнего, подчинялся капитану беспрекословно, и на него можно было положиться.

Тем более непонятным становилось поведение техника исследовательского отряда Филиппа Каледина, явно переоценивавшего свои возможности и права. Но что-то здесь было не так. Бугров чувствовал это, как говорится, всем нутром. Он был не просто капитаном космического корабля, но и хорошим психологом, прекрасно разбираясь в людях, легко оценивая

их достоинства и недостатки и понимая, что существуют какие-то скрытые причины начавшихся разногласий прежде дружной команды исследователей и членов экипажа. Надо было срочно разобраться в их поведении, пока не случилось беды.

– Андрей, останешься за меня, – объявил Бугров первому навигатору, исполняющему также и обязанности старшего помощника. – Я отлучусь на ту сторону.

Нарежный, будучи как раз абсолютно уравновешенным человеком, не стал напоминать Виталию Семеновичу, что по инструкциям космофлота капитан не должен покидать корабль ни при каких обстоятельствах. Но, во-первых, ситуация начала выходить из-под контроля, что могло закончиться печально, а во-вторых, капитан Бугров знал, что делает, и его приказы всегда были предельно обоснованы.

– Есть, чиф! – сказал он.

Бугров вызвал Нурманна:

– Томас, прошу вас вернуться на борт корабля.

– Зачем, Виталий Семенович? – удивился археолог. – Мы только-только приступили к выполнению…

– Немедленно! – перебил его Бугров. – Альберт, забирай экспертов и домой!

– Слушаюсь, чиф! – отрапортовал Полонски.

– Мы останемся! – внезапно заговорила Карла де Лонгвиль. – Что за спешка, капитан? Мы не малолетние дети, а вы не воспитатель детского сада. На нас возложена обязанность изучить артефакты и доставить на базу важную информацию. Не мешайте работать!

Бугров и Нарежный, сидящие в ложементах с откинутыми шлемами, переглянулись.

– Ничего себе разговорчики! – проворчал навигатор. – И это говорит археопсихиатр? Ее не предупреждали о соблюдении правил и субординации?

– Императив «еж», леди Карла! – жестяным голосом проговорил Бугров. – Возможен переход на императив «тревога-01»!

– Да в чем дело, Виталий Семенович? – возмутился Нурманн.

– Вернетесь – объясню на пальцах.

– Но вы не имеете пра…

– Конец связи! Альберт, разрешаю применить полный «облом»! Вези их на борт, даже если будут сопротивляться.

Императив «еж», называемый в просторечии «обломом», разрешал применение силы в отношении людей, создающих помехи работе экипажу при выполнении ими важных задач, сопряженных с угрозой безопасности. На памяти Нарежного им еще никто не пользовался в космофлоте, но Бугрова это не остановило.

– Слушаюсь, чиф! – мрачно ответил Полонски.

– Ира, вы идете со мной, – сказал Бугров, выбираясь из ложемента. – Может понадобиться ваша помощь.

Легрова, олицетворявшая собой всю власть медицины для сохранения здоровья экипажа, с готовностью последовала за капитаном.

Через минуту «броненосец» унес обоих к «губе кашалота», прикрывающей вход в тоннель.

9

Кровавый блик, отразившийся от пирамиды со снесенной вершиной, уколол глаз, и Бугров мимолетно подумал, что добром инцидент не закончится.

Еще при движении по тоннелю от попавшегося на пути второго беспилотника, спешившего, очевидно, на корабль с очередным донесением, стало известно, что произошло. Поэтому, выводя шлюп над лагерем экспедиции, Бугров знал, что надо делать.

Катера обоих операторов – Ивана и Филиппа – скрылись в дыре, пробитой бластером Каледина, и вот уже больше сорока минут не появлялись.

Ни Шустов, ни Батлер не рискнули отправиться на их поиски, и по их перепалке, забившей эфир над лагерем, можно было понять, что они растеряны и не готовы действовать.

– Слышите? – повернул голову к спутнице Бугров, занимавший кресло пилота. – Вам это ничего не напоминает?

– Синдром Порошенко, – усмехнулась Легрова.

– Что?

– Синдром неуверенности, часто переходящий в агрессию, испытываемый пациентами психиатрических клиник.

– Но ведь и наши парни, и эксперты прошли психологическую спецподготовку на совместимость…

– Возможно, Ваня прав, и в здешнем воздухе летают вирусы.

– Внутри Сферы нет воздуха.

– Это я образно говоря.

– Но все мы прошли дезактивацию и санобработку, никаких вирусов не обнаружили.

– Значит, тут какие-то особые вирусы.

– Ладно, будьте готовы к неприятным сюрпризам.

Шлюп нырнул к пирамиде, завис над ней.

Бугров открыл люк, активировал скафандровую систему защиты, включил антиграв и прыгнул в пролом.

Оба «броненосца» стояли, накренившись, опираясь друг на друга боками. Луч нашлемного фонаря выхватил из полутьмы ребристые стены помещения, покрытые зеркальной чешуей, какие-то длинные баки-трубы, прикрепленные к стенам, и квадратное отверстие в полу. Это был люк, причем люк, расстрелянный из лучемета.

Холодные коготки страха прошлись по спине. К ним прибавилось и некомфортное чувство угрозы.

Бугров прислушался к своим ощущениям.

Впечатление было такое, будто из люка била вверх струя ядовитого газа, который странным образом проникал в скафандр, минуя все уровни защиты, и вот-вот превратит его в труп или в зомби.

Передернув плечами, Бугров нагнулся над люком:

– Иван?!

Интуиция заставила его отшатнуться, и вовремя: из темноты нижнего помещения вырвался огненный шмель, вонзился в одно из ребер на стене и проделал в нем дымящийся шрам.

– Капитан! – раздался слабый голос Ломакина. – Не суйтесь! Парень стреляет на поражение!

Внизу засверкали сполохи: началась беззвучная при отсутствии воздуха стрельба из «универсалов», имеющих несколько режимов боевого применения: лазерный, обычный – пулями калибра девять миллиметров – и плазменный.

– Филипп! – крикнул Бугров. – Прекрати стрельбу! В чем дело?!

– Убью засранца! – прилетел приглушенный рык Каледина. – Мне никто не вправе приказать, что делать, а что нет! Даже вы!

Темноту в глубине люка снова прорезали всполохи плазменных разрядов.

– Иван!

– Я в порядке, – ответил Ломакин. – Он прострелил мне ногу. Я не даю ему сбежать.

– Пусть бежит, отступи.

– Во-первых, он в таком состоянии, что способен перестрелять всех! Во-вторых, отступать некуда, капитан. Это могильник, я предупреждал, только могильник особенный, судя по символике, не биологический, как мы думали.

– Какой символике?!

– Тут еще один бак, полусфера метров пяти в диаметре, опоясана барьером, а на стойке мерцает экранчик. Так вот, экранчик показывает серию картинок: шар в окружении решеточек, из шара вырывается корона синих лучиков, и решетки начинают оплывать капельками.

– Наша аппаратура радиации не фиксирует.

– Может быть, это какая-то другая радиация.

– Ладно, разберемся, выпусти его. Филипп, мы отступим, ты выйдешь. Если Иван прав, ты получил дозу какой-то лучевой хрени и рискуешь окончательно шизануться. На корабле тебе станет легче.

– Ага, вы меня сунете в бункер и усыпите, премного благодарен! Убирайтесь к черту, я приватизирую Сферу! Она моя!

– Не глупи, мы тебя не…

Из люка прилетел вопль, послышалась возня, хриплое рычание, ругань.

– Капитан, я его держу!

Не раздумывая, Бугров сиганул в люк.

На глубине примерно семи метров по полу помещения с куполом хранилища неизвестного вещества, для которого хозяевам Сферы пришлось строить систему защитных пирамид, катались два тела. Один борец держал другого за руки, не давая тому выстрелить из «универсала», а тот, рыча как зверь, пытался освободиться, выворачивая ствол в голову противника.

Бугров мог применить оружие, но не стал. Выбрав момент, он опустился на борющихся сверху и обрушил на шлем верхнего борца, с пистолетом, мощный удар кулака в броневой перчатке.

Каледин охнул и перестал сопротивляться.

10

Совещание всех пассажиров и членов экипажа, метко названное Альбертом Полонски консилиумом, протекало бурно.

«Дерзкий» стартовал с внешней поверхности Сферы Дайсона, оставив лагеря экспедиции снаружи и внутри, и теперь дрейфовал в тысяче километров от сооружения, построенного вокруг умирающей звезды неведомыми существами, чей облик пока так и оставался неизвестным.

Известно было лишь одно: строили Сферу не лемуры.

На вопрос, куда же делись сами строители, тоже не было однозначного ответа. Предположение Нурманна, что строители погубили сами себя, взорвав свою родную планету, потому и не отреагировали на появление землян, приняли далеко не все космонавты.

– Но они могли переселиться на внутреннюю поверхность Сферы, – сказал Шустов.

– Если бы переселились, нас засекли бы точно. На мой взгляд, они использовали Сферу не только как отражатель излучения звезды, но и как мусорную свалку.

– Но кто в таком случае поубивал лемуров? – спросил Полонски. – Если не строители?

– Они сами себя поубивали, – буркнул Ломакин.

Чувствовал он себя неважно, но ради совещания покинул медбокс корабля. В отличие от Филиппа, которого пришлось изолировать. Оператор получил серьезный психологический шок и нуждался в лечении.

– Есть идея, мальчики, – сказала Ирина Легрова тихим стеснительным голоском. – Можно, Виталий Семенович?

Бугров, на этот раз соизволивший присутствовать вживую, кивнул.

– Мы все согласились, что очень большая часть внутренней поверхности Сферы представляет собой мусорную свалку. Но это необычная свалка. Хозяева свозили сюда не только обычный мусор, отходы производства и жизнедеятельности, но еще и эмоционально-радиоактивный мусор! Понимаете? В пирамидах – отходы их психической деятельности, эмоциональная грязь: злоба, ненависть, агрессия, желание возвыситься, пренебречь моралью и так далее, от которой они хотели избавиться.

– Похоже, это им не помогло, – проворчал Нурманн.

– Лемуры не знали, с чем столкнулись, пробив ход на внутреннюю поверхность, и пси-радиация их погубила, превратила в агрессивных отморозков, не способных объективно оценивать ситуацию. И мы тоже едва не пошли по этому пути.

Шустов покашлял.

– Признаюсь, я вел себя… не по-джентльменски… прошу прощения… м-да… Слов нет, идея хорошая, Ирина Николаевна. Столько работы! А мы вынуждены отступить.

– Капитан, может быть, найдем какой-нибудь выход? – с надеждой посмотрел на Бугрова Полонски. – Поищем защиту от этой пси-радиации? Ведь нельзя же возвращаться не солено евши, как говорят русские.

– Они говорят – не солоно хлебавши, – поправил навигатора Ломакин.

– Один черт.

– Всем отдыхать! – встал Бугров. – На Землю отправлена депеша, будем ждать ответ. А пока Сферой будут заниматься беспилотники.

Он поманил рукой Ломакина, оба вышли. Дверь отрезала за их спинами гул голосов.

Прооперированная нога Ивана была в специальном чехле, и он уже мог ходить, прихрамывая.

– Не бросай его, – сказал Бугров.

– Кого? – не сразу понял Иван. Потом сообразил, кивнул, дернул себя за вихор. – Да Фил ни в чем в общем-то не виноват, просто горяч больно. Навещу, поговорим… Значит, мы остаемся? Или нет? Игорь Ильич прав, здесь уйма интересного, жаль уходить.

Бугров пошел прочь по коридору, пробурчал себе под нос:

– А то я не понимаю… Пока не найдем противоядия от пси-излучения, из корабля ни шагу!

Ломакин вскинул вверх сжатый кулак, резко опустил:

– Йес!

Бугров оглянулся, и Иван поспешно сделал непроницаемое лицо.

– Найдем, Виталий Семенович!

Бугров скрылся в рубке.

Он лучше всех знал, что корабль не покинет Сферу Дайсона. Она ждала своих исследователей…

Антон Первушин
Песнь самозверя

Повесть из цикла «Интроспекция Универсума»

1

Решение созрело. Серж не стал дожидаться, когда возьмут верх посторонние доводы, и повесил три восклицательных эмодзи в чате миссии, тем самым нарушив внутренний сетевой устав. На его выходку откликнулись почти сразу – через полминуты зазеленел индикатор прямого контакта с топ-менеджером Авани, причем почтенная сударыня требовала визуализации. Серж не возражал, сомкнув пальцы в кулак. Перед глазами немедленно появилось смуглое остроносое лицо в обрамлении развевающихся ярко-рыжих волос.

– Почтенный сударь Серж Ивановских?

– Почтенная сударыня Авани Гопал?

– Переходим к проблеме, – деловито сказала топ-менеджер. – Что вызвало тревогу?

– Нет тревоги, почтенная сударыня, – успокоил Серж. – Я собираюсь остаться в системе Саган.

Авани не выказала удивления. Возможно, ей приходилось выслушивать и более экзотические пожелания.

– Основания, почтенный сударь? Напоминаю, что регламент вашей деятельности внутри миссии определяет Академия планетологии.

– Я помню, почтенная сударыня. Однако мой куратор по научно-исследовательской работе, почтенный сударь Крамских, предоставил мне возможность произвольного выбора темы по прибытии.

– По прибытии в систему Гринч-восемьдесят-шесть, почтенный сударь.

– Да, безусловно. Но исключение для промежуточных систем в контракте не предусмотрено. А что не запрещено, то разрешено. Не так ли, почтенная сударыня?

Авани подвисла. Справа от изображения ее застывшего лица появился бегунок в виде условной птички, подсказывающий, что топ-менеджер на связи, но занята общением с внешним миром.

– Подтверждаю, почтенный сударь, – заявила Авани, прерывая возникшую паузу. – Что не запрещено, то разрешено. Вы можете остаться в планетной системе Гринч-шестнадцать в соответствии с вашими конституционными правами. В таком случае я обязана действовать по протоколу дополнений к целям миссии. Вы знакомы с протоколом?

– Разумеется, я знаком с протоколом, – сказал Серж, улыбаясь. – Оставим формальности, почтенная сударыня. Запишем так. Мне показалась любопытной одна из гипотез, связанных с биотическим кризисом на Сагане-два. Я берусь проверить ее на практике. Все остальное является авторской тайной Академии планетологии, поэтому обсуждать детали я могу только со своим куратором.

Авани ответ не понравился, но она не смела возражать: хотя доставка Сержа на Хокинг-4 и была оплачена по категории «эконом» со всеми возможными скидками, он оставался дееспособным гражданином-избирателем, дипломантом Академии, и мог себе позволить любые причуды в пределах кодексов, уставов и конституции. Даже если сейчас по неким причинам он

решил бы воспользоваться, например, второй поправкой, то Авани как топ-менеджер миссии была обязана обеспечить его всем необходимым для совершения узаконенного самоубийства.

– Согласно протоколу, – продолжила Авани, – я обязана предупредить вас, почтенный сударь, о возможных последствиях вашего решения при внесении изменений в план миссии.

– Спасибо, почтенная сударыня, я ознакомился с информацией о системе… – Серж попытался избежать бюрократической волокиты.

– Я настаиваю, почтенный сударь. – В голосе топ-менеджера звякнула сталь. – Вы, по доброй воле и пользуясь вашими конституционными правами, приняли решение остаться в системе Гринч-шестнадцать на неопределенный срок, вплоть до истечения вашей жизни. В системе Гринч-шестнадцать находится долговременная база «Саган-орбитальный», ресурсы которой способны обеспечить ваше существование на неопределенный срок, вплоть до истечения вашей жизни. Ресурсы долговременной базы «Саган-орбитальный» выше нормативного жизнеобеспечения и предоставляются по предоплате согласно прейскуранту. Если вы пожелаете покинуть долговременную базу «Саган-орбитальный» с помощью транспортных средств до истечения срока вашей жизни, вам надлежит произвести предоплату согласно прейскуранту. Ответственность за вашу жизнь, здоровье и статус вы принимаете на себя лично, без исключений. Подтвердите, что вы усвоили информацию и не имеете претензий к вышеизложенному.

– Да, – отозвался Серж. – Я усвоил и не имею.

– Пожалуйста, подтвердите жестом, почтенный сударь.

Серж сплел пальцы рук в замок, демонстрируя согласие с «вышеизложенным». Авани опять подвисла, и целую минуту Серж наблюдал за птичкой, машущей нарисованными крылышками. Он прислушался к себе: не появились ли сомнения в правильности решения? Нет, не появились. Если он прав, то впереди ждет открытие, о котором никто из кандидатов-аспирантов Академии не мог и мечтать. До сих пор Серж думал, будто бы начисто лишен честолюбия, но выяснилось, что это не так. К новому ощущению требовалось привыкнуть.

– Протокол дополнений к целям миссии закрыт, – сообщила топ-менеджер. – Исправления не принимаются.

Когда с формальностями было покончено, взгляд и голос Авани смягчились.

– Почтенный сударь, могу ли я дать совет? – спросила она.

– Да, почтенная сударыня. Слушаю вас с полным вниманием.

– Серж, я не знаю, что вы собираетесь делать на Сагане-два. Но учтите: будут сложности. Хотя база автоматизирована, на ней есть тест-смотритель. Без права транспортировки. Фигурант Опра. Фамилия ей не положена по статусу. Есть только номер – шестнадцать-восемь-тридцать. Расшифровывается просто. Шестнадцать – место заключения по каталогу Гринчевского. Восемь – статья кодекса наказаний. Тридцать – срок заключения в геогодах. К досье Опры у меня доступа нет, но статья и срок говорят сами за себя. Преступление в области Tutela Sacrum. Вам наверняка захочется установить контакт с Опрой. И ей наверняка захочется установить контакт с вами. Я хочу предостеречь вас: постарайтесь избежать любых вариантов контакта. На базе самоизоляция включена в норматив. Воспользуйтесь!

– Не вижу повода для опасений, Авани. – Серж тоже перешел на доверительный тон. – Если Опра осуждена по восьмой статье, то она – ученый, дипломант. Ученые всегда найдут общий язык друг с другом.

– И все же не забывайте, Серж, что вы с ней в разных статусах. Ее статус вам не повысить, зато ваш она способна понизить очень легко. Вы ведь не хотите остаться на базе еще одним осужденным тест-смотрителем?

– Нет, это не входит в мои планы, – ответил Серж с показным безразличием.

Авани кивнула, учтиво улыбнулась:

– Я предупредила вас, Серж. Шаттл активизирован, стартовое окно откроется ровно в девять по месту. Чистого пути!

– Чистого пути!

Окно топ-менеджера миссии свернулось, но Серж еще какое-то время сидел неподвижно, обдумывая последние слова Авани. Ему показалось, что она знает больше, чем говорит.

2

В компоновке межорбитального шаттла не был предусмотрен обзорный купол, поэтому Сержу пришлось подключиться к внутренней сети, авторизовавшись как пользователь-пассажир, затем – как пользователь-наблюдатель. Большего, в общем-то, и не требовалось: хотя такие шаттлы пошли в серийное производство пятьдесят лет назад, то есть задолго до рождения Сержа, и с тех пор мало модернизировались, они обладали достаточно развитым нейроядром – по индексу осознания примерно на уровне обученной овчарки, – чтобы принимать самостоятельные тактические решения. Конечно, если бы все вокруг горело и взрывалось, а векторов угроз насчитывалось больше десятка, то пришлось бы присвоить себе статус инструктора, но в системе GR-16 все было спокойно – старый увядающий мир, растративший свою космологическую активность миллионы геолет назад.

Пройдя авторизацию и небрежным взмахом отключив служебную тарабарщину, Серж выбрал коммуникационный канал для своего виртуала: визуализация в оптическом диапазоне. Сам шаттл традиционно пользовался ик-диапазоном, иногда для радиолокации прибегая к икс-диапазону, поэтому наблюдатель и нейроядро не мешали друг другу. Стены обитаемой капсулы исчезли, и Серж оказался как бы подвешенным в пустоте под одним из направляющих пилонов «Косберга» – спиной к светилу Сагана, закрытому щитом энергонакопителя, и лицом к бескрайнему пространству, которое здесь, на низкой астроцентрической орбите, выглядело наполненным ярким, словно неоновым, светом, болезненным для глаз. Серж поиграл настройками фильтра, делая яркость приемлемой. В то же время нейроядро услужливо подключило программу астрономической идентификации – на видимой полусфере появились значки ближайших звезд и планет. Саган-1, очевидно, скрывался за светилом; зато Саган-2 с зеленой пометкой обитаемости красовался прямо по центру, в оппозиции. Серж вытянул к нему руку, развел пальцы, увеличивая изображение. Вторая планета системы казалась сплошь темно-синей, как ягода спелой черники, но Серж знал, что если еще увеличить и детализировать картинку, то станут различимы бесчисленные и весьма причудливые архипелаги, нарушающие ровную поверхность великого океана, и, конечно, желтое с коричневыми затемнениями пятно пангеи – единственного и очень древнего континента. Зрелище завораживало. Кандидат-аспирант еще никогда не бывал так далеко от Земли. И уж тем более ему ни разу не приходилось собираться на планету, где люди появлялись лишь эпизодически: три раза за всю историю, согласно подсказке локализованной Вики. Посему зрелище не только завораживало, но и тревожило, волновало, вызывало предчувствия. Серж понимал, что это душевное состояние вряд ли повторится, и наслаждался им, запоминая каждое мгновение.

Промурлыкал вызов. Топ-менеджер, на этот раз без визуализации. Серж вздохнул и, разумеется, ответил.

– Почтенный сударь Серж Ивановских?

– Слушаю вас, почтенная сударыня Авани Гопал.

– Я наблюдаю, почтенный сударь, что вы готовы к старту. Так ли это?

– Я готов к старту, почтенная сударыня.

– Стартовое окно откроется через шесть минут. Напоминаю, что во избежание непредвиденных травм и других осложнений пассажиру не следует покидать кресло в периоды ускорений. О продолжительности периодов вам сообщит бортовой комплекс управления и контроля. Я должна также проинформировать вас, почтенный сударь, что суммарной характеристической скорости, которую способен развить собственный двигатель шаттла, недостаточно для

всех необходимых маневров до стыковки с базой «Саган-орбитальный», поэтому мы придадим вам начальное ускорение. Это также означает, что вы не должны пытаться внести изменения в перелетные алгоритмы комплекса управления и контроля, поскольку любое непродуманное вмешательство подобного рода способно привести к катастрофическому развитию ситуации. Подтвердите, что вы усвоили информацию.

– Я усвоил информацию, почтенная сударыня, – сказал Серж.

– Тогда чистого пути, почтенный сударь.

Слишком легко. Слишком просто. Тут Сержа осенило:

– Могу я задать вопрос?

– Да, почтенный сударь, слушаю вас.

– Почему вы не связались с моим куратором?

– Вы же знаете, варп-связь – очень дорогое удовольствие…

– Но если бы куратор отказал мне в изменении цели моей экспедиции, то вы получили бы премию, которая с лихвой покрывает стоимость услуг связи.

– Но если бы он одобрил ваше решение, то меня оштрафовали бы за нарушение конституционных прав дееспособного гражданина-избирателя.

Аргументы Авани звучали убедительно, но Серж все еще чувствовал некую недосказанность. Зная, что и этот разговор фиксируется, он решился на уловку.

– Вы опытный менеджер, почтенная сударыня, и наверняка просчитали все возможные последствия моего решения. Конечно, волеизъявление гражданина-избирателя для вас приоритетно, однако и буквальное соблюдение условий коммерческого контракта не менее значимо. Ведь вам предстоит еще отчитываться перед командованием Космофлота за нарушение утвержденного плана миссии. Неужели боязнь штрафа пересилила более твердую позицию при отчете?

Авани ответила не сразу. Она догадалась, куда клонит Серж, требуя от нее искренности.

– Скажем так, – наконец отозвалась она, – Космический флот тоже интересуется Сагаком-2. Но, к сожалению, не столь активно, чтобы профинансировать полномасштабную исследовательскую экспедицию. Если у вас получится найти что-нибудь по-настоящему ценное, то ситуация изменится, за вами последуют другие. Вы удовлетворены, почтенный сударь?

Серж понял, что большего от топ-менеджера не добиться. Впрочем, и этого было более чем достаточно.

– В таком случае могу ли я рассчитывать на поддержку Космофлота в статусных вопросах?

– Да, почтенный сударь, вы можете обратиться к командованию Космического флота, если Академия планетологии по каким-то причинам захочет пересмотреть ваш статус исследователя.

– Тогда я полностью удовлетворен, почтенная сударыня, – заявил Серж. – Чистого пути.

Он и впрямь чувствовал себя победителем. Последние сомнения отпали. Решение, которое ему самому несколько часов назад казалось спонтанным и плохо продуманным, вдруг обрело дополнительную мотивацию. Саганом-2, оказывается, интересуется флот! Интуиция не подвела. На этой захолустной планете он и впрямь может найти «космическое чудо»!

3

Прямоугольный терминал долговременной базы выглядел непроницаемо черным пятном на фоне ровно-синего свечения планеты. Серж знал, что ячейки терминала заполнены стандартными посадочными капсулами. Из праздного любопытства он, ткнув пальцем, активировал первую попавшуюся – в левом верхнем углу. Капсула замерцала в виртуале, выпустив

сокращенный статус-бар: вместимость – три единицы, запас обеспечения – сто, заряд источника – сто, герметичность – сто.

Смысл существования базы «Саган-орбитальный» состоял в том, чтобы обеспечить спасение экипажа и пассажиров любого корабля Космического флота при выходе из варп-сфероида. В вековой истории межзвездной навигации хватало инцидентов, при которых возникала нужда экстренно покинуть корабль. Обычная эвакуация на шаттлах в ситуации, когда расстояние до ближайшего обитаемого мира исчисляется парсеками, закончилась бы фатально, поэтому на межзвездных трассах флот постепенно развернул долговременные базы, снабженные всем необходимым для жизнеобеспечения трехсот человек на протяжении геогода. Предпочтение отдавалось системам с относительно небольшими каменными планетами: даже если условия в таких мирах отличаются от земных, они все равно могут служить ценным источником ресурсов и убежищем для терпящих бедствие.

Система GR-16, или Саган, почти идеально соответствовала требованиям для размещения базы: пять планет земной группы, вторая из них находится в «поясе жизни» и покрыта водным океаном; центральное светило – звезда солнечного класса, но старше примерно на два миллиарда лет; космическое пространство вокруг сравнительно чистое, нет больших скоплений астероидов или комет, что, вероятно, связано с солидным возрастом системы. Поэтому сорок пять геолет назад GR-16 была включена в трассу Земля – Лаплас – Хокинг и здесь начался монтаж автоматизированной базы. Основой стал блок-терминал с трехместными капсулами, рассчитанными на однократную посадку на поверхность Сагана-2. Вокруг центрального стыковочного узла по схеме «ромашка» располагались шесть жилых блоков, обвешанных панелями фотоэлектрических преобразователей и теплоизлучающих радиаторов. Базу вывели на полярную орбиту Сагана-2, в местную картинную плоскость, чтобы обеспечить круглосуточный доступ к энергии светила. Сейчас база функционировала в «спящем» режиме, но даже так могла полностью удовлетворить нужды небольшой экспедиции исследователей или, допустим, команды ремонтников.

Что касается планеты, вокруг которой обращалась база, то теоретически ее можно было бы когда-нибудь заселить, однако Колониальная служба флота пока отдавала предпочтение мирам другого типа – таким, например, как Лаплас-3 и Хокинг-4. Планета Саган-2 отличалась от них в худшую сторону прежде всего размерами – она больше и массивнее Земли, что требовало колоссальных вложений для организации транспортировки грузов с поверхности в космос. Ее атмосфера обширнее, а давление на уровне океана превышает земное почти в полтора раза. Плюс к перечисленному процент содержания кислорода в атмосфере значительнее, чем на Земле, что угрожает потенциальным колонистам гипероксией, если они, конечно, рискнут выйти из герметичных помещений без специального скафандра с газосмешивающей или адсорбирующей системой. Получалось, что на Сагане-2 для колонизации пригодны исключительно возвышенности, поднимающиеся на пять-шесть километров над уровнем океана, но к таковым можно отнести лишь причудливый горный хребет поблизости от геометрического центра пангеи, а там, увы, иссушенная безжизненная пустыня.

Все эти сведения Серж почерпнул еще на Земле, когда готовился к рейсу и ему на глаза попалась статья о характерных признаках биотического кризиса на Сагане-2, его возможных причинах и вариантах развития. Поначалу кандидат-аспирант не заинтересовался старым миром, коих предостаточно и в ближайшем, и в дальнем звездном окружении, однако, находясь на борту «Косберга» и готовясь к первому в жизни варп-путешествию, обнаружил еще две свежие статьи, на этот раз посвященные феномену самозверя. Тут он задумался и запросил у Вики отчеты исследовательских экспедиций на планету. Оказалось, что большая часть собранной информации закрыта от свободного доступа авторской тайной Колониального Университета и собственно Колониальной службой Космического флота, поэтому пришлось довольствоваться

реферативным изложением, но и общих выводов хватило, чтобы заставить Сержа усомниться, а так ли малоинтересен Саган-2, как о нем пишут.

От размышлений кандидата-аспиранта отвлекла нарастающая боковая перегрузка – шаттл поменял направление полета, заходя к вспомогательному стыковочному узлу одного из жилых блоков. На такие узлы обычно навешивают экспедиционные корабли, и перед причаливанием Серж рассчитывал увидеть корабль «Хуболт», значившийся в каталоге базы. Но не увидел: все вокруг ускорилось, словно в видеоролике виртуала при быстром воспроизведении; блок резко надвинулся, загораживая собой переднюю полусферу; шаттл повернулся на девяносто градусов по тангажу, послышался металлический скрежет, и картинка окружающего пространства, транслируемая по оптическому каналу, замерла стоп-кадром. Нейроядро тут же сообщило, что стыковка произведена успешно, повреждений оборудования шаттла не зафиксировано, топливо израсходовано на девяносто четыре процента, поэтому требуется пополнение.

Серж привычно отмахнулся от доклада и начал собираться. За восемнадцать геосуток на борту шаттла он устал и от тесного пассажирского помещения, и от назойливых технических рапортов. Сборы не заняли много времени: из одежды на Серже были только фундоси и кенгуру, из личных вещей – россыпь кубиков-носителей с контентом, предоставленным alma mater, и старомодная голографическая рамка, изготовленная вроде бы сразу после лимитвойны и содержащая коллекцию изображений, связанных с предками Ивановских.

Над головой с чмоканием открылось отверстие стыковочного лаза. Серж оттолкнулся ногами и пролетел в него, покидая шаттл. Здесь освещение не было предусмотрено, однако впереди кандидат-аспирант видел яркое круглое пятно. Начального толчка хватило, чтобы без дополнительных усилий оказаться в переходном отсеке жилого блока. И там Сержа ждали.

Присутствие постороннего – точнее, посторонней – оказалось для кандидат-аспиранта слишком неожиданным. Он чуть не пропустил фиксирующую скобу, но все же успел ухватиться за нее, остановив свое движение в невесомости. Перед ним предстала, очевидно, фигурант Опра – огромная безобразная толстуха в свободном белом кэйкоги, с голым черепом и злым взглядом. У нее, видимо, было что-то не в порядке с обменом веществ – кроме обширных форм, в глаза бросался характерный землистый цвет лица.

– Здравствуйте… почтенная сударыня… – выдавил Серж.

Та не ответила на приветствие, разглядывая прибывшего. Потом сказала:

– Надождь, живай плотскай мужик. Пацанчик. Покалякай со мной, пацанчик.

Толстуха говорила на каком-то чудовищном диалекте, которого Серж не слышал даже среди пейзан, хотя в период полевой практики побывал в довольно экзотических местах. Он наконец подавил растерянность и решительно заявил:

– Вы ведь Опра? Извините, сударыня, но сейчас я не намерен вступать с вами в контакт…

Серж собирался оттолкнуться от скобы и направиться в глубь жилого блока, однако женщина успела раньше. Она бросилась к нему, крепко ухватила левой рукой за плечо, при этом в занесенной правой блеснула полоска остро заточенной стали.

– Не крысь, пацанчик, – сказала она, прижимая Сержа к стенке. – Станем-таки покалякать.

4

Насилие. Серж Ивановских был дееспособным гражданином-избирателем и дипломантом, поэтому цивилизация всей своей мощью защищала его от любых видов насилия. Тем не менее общефизическая подготовка, которой будущие граждане Универсума занимались с раннего детства, включала изучение боевых искусств на случай, если потребуется защитить себя самостоятельно. Когда пришла очередь Сержа выбирать вид боевого искусства, который ста-

нет для него главным, он остановился на крав-маге – древней, но весьма эффективной системе рукопашного боя, исключающей какие-либо правила и ограничения при достижении победы над противником. Нельзя сказать, что Серж долго раздумывал: крав-мага на его потоке была в моде, и он просто присоединился к большинству. О чем позднее много раз пожалел, валясь на маты при полноконтактном спарринге, во время которого старшие школьники в кровь избивали младших с тем, чтобы те почувствовали настоящую боль и беспомощность. Впрочем, жестокие уроки пошли впрок: на игровых учениях «Лунная куколка» и при подавлении массовых волнений пейзан в дистрикте Кейптаун будущий кандидат-аспирант показал себя среди лучших; за участие в последней операции Ивановских даже получил персональную благодарность коменданта дистрикта.

Боевые навыки помогли и на этот раз. Как только фигурант Опра занесла над его головой самодельный нож, Серж вошел в рэцэф, без замаха врезал ей левым свободным кулаком по переносице и сразу, пользуясь преимуществом прижатого к стене, двинул преступницу коленями в живот. Опра на секунду потеряла ориентацию в пространстве и замахала руками, рефлекторно пытаясь погасить приданный ей импульс. Серж выпрямил ноги и оттолкнулся, наклонившись корпусом вправо. Однако разница в массе оказалась велика, и он не сумел рыбкой проскользнуть мимо Опры, а задел ее – та наугад ткнула ножом и попала ему в бедро. В воздухе поплыли мелкие красные шарики. Серж еще раз ударил преступницу пятками, используя ее тело как опору, – и полетел через отсек к следующему люку. Еще через секунду он оказался в жилом блоке и громко скомандовал:

– Саган, изоляция фигуранта!

Местное нейроядро отреагировало без задержки: с того момента, как кандидат-аспирант покинул шаттл и встал на баланс базы «Саган-орбитальный», он по умолчанию был авторизован в том же статусе, что и при перелете, то есть в качестве пользователя-наблюдателя, стоящего в иерархии прав и полномочий заведомо выше тест-смотрителя без фамилии. Люк за спиной Сержа закрылся, отрезая переходной отсек с Опрой. Кандидат-аспирант уцепился за ближайшую скобу и глубоко подышал, выходя из рэцэф. Потом взглянул на свое бедро и поморщился. Рана казалась царапиной, но обильно кровоточила.

– Саган! – вновь воззвал Серж. – Экстренная медицинская помощь.

– Следуйте в медицинский модуль, почтенный сударь, пожалуйста, – откликнулось нейроядро женским голосом.

Световые панели условного потолка начали поочередно зажигаться и гаснуть, указывая путь. Серж двинулся по коридору, тянущемуся, как легко догадаться, к блоку-терминалу, который связывал помещения «Сагана-орбитального» в единое целое. Здесь все было функционально, поэтому однообразно: белая стенная панель с фиксирующими скобами справа, белая стенная панель с фиксирующими скобами слева, внизу – условный пол с плотно подогнанными друг к другу разноцветными контейнерами индивидуальных жилых сфер.

По дороге Серж пытался собраться с мыслями, но получалось плохо. Опра, конечно, загодя узнала о его прибытии: менеджеры миссии «Косберга» обязаны были сообщить ей. И поджидала. Изготовила примитивный нож. Зачем? Она, понятно, преступница, но она же ученый и дипломант. Она не понимала, что нападение ничего не даст, кроме озлобления новоприбывшего? Может быть, она повредилась в рассудке?.. Похоже на то, если вспомнить, что она использовала какой-то дикий диалект – почти «птичий» язык. Серж был далек от психологических наук, но знал, что даже умнейшие люди не могут находиться долго в изоляции без негативных последствий для психики. Совет, который перед расставанием дала топ-менеджер Авани, обретал новый смысл. Фигурант Опра действительно может быть опасна – в том числе потому, что много лет провела в одиночестве.

Нейроядро предложило свернуть направо. Оказалось, что жилой блок имеет два дополнительных стыковочных узла, расположенных симметрично. К одному был пристыкован сани-

тарно-гигиенический модуль, к противоположному – медицинский. Внутри последнего Серж остановился и осмотрелся. Хотя он имел довольно смутное представление о том, как выглядит стандартное оборудование медицинского модуля долговременной базы типа «Саган-орбитальный», то, что он увидел, все равно настораживало. Защитные и экранирующие панели с приборов были сняты, бесстыдно обнажилось их нутро: связки оптоволокна, блестящие головки лазеров, шипастые контроллеры, гибкие платы с микродисплеями. Как и любой профан, очутившийся среди незнакомого оборудования, Серж испытал неприятное чувство: ему показалось, что от любого чиха здесь все может поломаться, и это будет иметь трагические последствия. Он поежился и решил обратиться к нейроядру.

– Саган! Статус медицинского модуля… э-э-э… – Серж нашел глазами идентификационный номер на условном потолке, – два-четыре.

Нейроядро немедленно забубнило:

– Общий статус – восемьдесят три процента, исправность оборудования – сто процентов, наличие комплектующих – девяносто семь процентов, наличие расходных материалов – девяносто процентов…

Серж удивился еще больше. Он ожидал, что расходные материалы будут использованы, но максимум на полпроцента. И, наоборот, исправность оборудования должна быть ниже ста процентов с учетом того, что он видел вокруг. Получается… что? Получается, что Опра – ведь больше некому! – активно пользовалась оборудованием медицинского модуля для своих загадочных целей. И еще – комплектующие. Что туда входит?

– Саган, перечисли отсутствующие комплектующие медицинского модуля два-четыре.

– Перечисляю комплектующие медицинского модуля два-четыре, наличие которых не подтверждено коммуникацией, – отозвалось нейроядро. – Первое – спектральный секвенатор, модель Videntium-шесть, один экземпляр из двух. Второе – молекулярный конвертор, модель Coquus-девять-девять, четыре экземпляра из пяти. Третье – сцинтилляционный нейтронный детектор, модель Oculus-mod-восемь-пять-пять, один экземпляр из двух.

Серж приблизительно представлял себе назначение и устройство лишь одного прибора из перечисленных – нейтронного детектора: вещь для планетолога, работающего в поле, очень нужная. Но зачем Опра его позаимствовала? И почему она скрывает от нейроядра свои действия? Вопросы, вопросы. Ответить на них способна только сама Опра, и Серж решил выждать и посмотреть, что та предпримет, когда нейроядро по его приказу выпустит ее из переходного отсека.

Пока кандидат-аспирант раздумывал, кровь в ране на бедре свернулась, а сверху образовался струп. Обрабатывать ее не имело смысла, поэтому Ивановских только заказал стандартный коктейль иммуностимуляторов. Вытащил готовую капсулу из аптечного лотка, проглотил.

План дальнейших действий сложился сам собой. Изучив во время межорбитального перелета комплектацию базы, Серж знал, что она располагает тремя научными модулями, причем один из них неплохо оборудован для планетологических наблюдений. Конечно, исследовательская аппаратура устарела по современным меркам, но могла пригодиться при проверке соображений о биотическом кризисе на Сагане-2.

Пользуясь подсказками нейроядра, Ивановских отправился в жилой блок номер три, к которому был пристыкован планетологический модуль. Но на месте выяснилось, что модуль изолирован от остальной базы, причем панель функциональности светилась красным – он был разгерметизирован!

Серж начал уставать от загадок.

– Саган! Почему модуль три-один вне доступа?

– Внешняя директива по протоколу безопасности девять-один-один, – с готовностью доложило нейроядро. – Введена шесть геосуток назад.

– Саган, кто автор директивы?

Ответ ошеломил:

– Серж Ивановских, кандидат-аспирант Академии планетологии, авторизован как пользователь-наблюдатель.

5

То ли нейроядро базы «Саган-орбитальный» отличалось повышенной бестолковостью по сравнению с земными аналогами, то ли его неудачно локализовали, но добиться внятного объяснения, как вышло, что Серж числится автором странной директивы, не получилось. Напрашивающееся объяснение – уловка Опры, но кандидат-аспирант не мог представить себе способ, с помощью которого фигуранту нижайшего статуса из возможных – ей даже фамилия не полагается! – удалось не только изолировать научный модуль, но и внести изменения в логи авторизации.

Серж решил, что дело пойдет быстрее, если он воспользуется виртуалом. Он выбрал в жилом блоке контейнер любимого зеленого цвета, приложил палец к сенсору, дождался, когда индивидуальная сфера надуется, забрался в нее, зафиксировал тело натяжными лентами, развернул складной лист интерфейса, покопался в своем кенгуру и достал кубик накопителя с набором программ технической поддержки. Еще через полминуты он был в виртуале и мог непосредственно просматривать любые записи состояния базы и ее элементов, прокручивая время назад и отмечая подозрительные моменты.

Для расширения доступа Серж применил один из десяти универсальных ключей, полученных от куратора Крамских, и авторизовался как пользователь-инспектор. Впрочем, ситуация при этом еще больше запуталась. Кандидат-аспирант обнаружил, что в тот момент, когда он покинул борт варп-корабля «Косберг», его виртуальный аватар раздвоился: он одновременно находился на шаттле и на базе «Саган-орбитальный». Причем двойник поначалу действовал примерно так же, как планировал сам Серж по прибытии: он активировал и тестировал оборудование научных модулей, затем часть аппаратуры отключил, другую поставил в режим сбора и накопления информации. Самое загадочное началось как раз шесть геосуток назад: системы базы отметили рост технических сбоев, некоторые требовали вмешательства смотрителя, однако фигурант Опра, если верить логам, занималась чем угодно, но только не работой по устранению неисправностей: спала, развлекалась в виртуале, часами просиживала в медицинском модуле. Вместо нее вовсю трудился двойник Сержа. Именно он под предлогом угрозы безопасности изолировал научные модули: не один, а все три! Именно он вывел из-под контроля нейроядра экспедиционный корабль «Хуболт» и отстыковал его от базы, спасая от пожара! Какой пожар? Откуда здесь пожар? Был ли пожар?..

Все это требовало немедленных объяснений. Серж вернулся от записей к реальному времени и выделил пальцем переходной отсек, в котором изолировал Опру. Коммуникация с ним ограничена в силу конструктивных особенностей стыковочных модулей, но аудиоформат вполне можно было использовать. Чуть помедлив, Серж включил звуковой канал.

– Опра! Вы слышите меня?

Преступница откликнулась:

– О! Пацанчик! Соскулил? Покалякать малеха ейнул? Малдец. Шпарь уже. Внемлю.

– Опра, я вам не верю. Прекратите балаган и говорите на универсале или любом другом человеческом языке. Сообщаю, что я взял права инспектора и могу держать вас в стыковочном модуле сколь угодно долго, хоть до истечения вашей жизни. Предлагаю вам пойти на сотрудничество. И не думайте, что меня легко обмануть или принудить к чему-то насилием. Я участвовал в боевых операциях и умею противостоять таким, как вы.

Возникла пауза. Серж начал терять терпение и решил уже оставить фигуранта в изоляции на геосутки, но тут Опра все же перешла на универсал. И произнесла фразу, которую Серж меньше всего ожидал от нее услышать:

– Выпустишь, расскажу о самозвере.

6

Когда пришло время персонального проекта, куратор по научно-исследовательской работе, почтенный сударь Крамских, выбрал для Сержа несколько теоретических задач по землеподобным планетам с высокой перспективой межинститутской востребованности. Но к тому моменту подопечный уже вовсю мечтал о «космическом чуде», несмотря даже на то, что тема считалась в его окружении маргинальной. По этому поводу шутили: «О чудесах пусть Ватикан думает», – хотя, конечно, Этический Университет, разместившийся на территории Старого Ватикана, по факту не занимался вопросами аномальных явлений и неверифицируемых наблюдений. Все знакомые дипломированные этики и мастера Трилобит-кома, оценивавшие игроков на «Лунной куколке», были прожженными скептиками и в значительной степени антропоцентристами. Их позиция понятна: философия окулизма, которая разрабатывалась в кампусах Ватикана второе столетие и регулировала многие аспекты общественной жизни, была ориентирована прежде всего на согласование внешней и внутренней природы человека. Однако Серж, который в целом разделял принципы господствующей идеологии и старался следовать моде, никак не мог согласиться с тем, что человечество обречено на одиночество. Поэтому, потратив геомесяц, сам отыскал задачу для проекта, причем не теоретическую, а вполне практическую.

Колониальная служба Космического флота постоянно собирала невообразимое количество информации по планетным системам, делая упор на те из них, которые лучше подходили для обеспечения дальней навигации или заселения. Периодически фиксировались и аномалии, получающие двойную интерпретацию: либо как редкое или даже уникальное явление природы, либо как признак разумной деятельности. Поскольку до сих пор флот не встретил ни одной внеземной цивилизации, то выбор всегда делался в пользу первой интерпретации. В то же время наука не может оперировать субъективными предпочтениями, даже если их разделяет большинство специалистов, и менеджеры Колониальной службы выкладывали описания аномалий в сеть межинститутского обмена, предлагая желающим попробовать разобраться в очередной загадке и предоставляя существенные скидки на транспортировку.

Окончательно определиться с поисками «космического чуда» Сержу помог не куратор, а эрзац-отец, который, хотя и освободился от исполнения семейно-общественного долга, навязанного ему Этическим Университетом, продолжал поддерживать контакт, следя за успехами бывшего воспитанника, а иногда давая дельные советы. Он тоже был дипломантом Академии планетологии, ныне работал в Институте Марса и мог адекватно обсуждать профессиональные темы.

«Обрати внимание на так называемые дороги Хокинга-четыре, – сказал эрзац-отец во время очередной встречи в виртуале. – Гринч-восемьдесят-шесть. Там теперь большая колония, сто тысяч граждан-избирателей, три сити, множество баз и опорных пунктов. Есть даже свой дистрикт с пейзанами нового поколения. Найдешь подробности. Но дороги обнаружила самая первая экспедиция. То есть они были там до людей».

«Да, я вроде читал об этом, – отозвался Серж с некоторым смущением, потому что без оперативной подсказки Вики не смог вспомнить, где и когда читал о дорогах Хокинга-4. – Но мне показалось, что проблема решена. Там нечто вроде вулканических ячеек Бенара. Дилетант может принять их за средневековую мощеную дорогу».

«В том-то и дело, что ситуация прямо обратная. Планетологи первых экспедиций прекрасно знали о ячейках Бенара и сразу дали напрашивающуюся интерпретацию. Но по мере роста колонии подобные дороги находили все чаще, на территориях с отличающейся геоморфологией, с разнообразными грунтовыми и тектоническими условиями. Поэтому Колониальная служба внесла их в список аномалий».

«Почему? – удивился Серж. – Неужели не нашлось пытливого дипломанта, который дал бы подробное описание и модель?»

«Ты наверняка смотрел обзоры по дальней навигации. И должен помнить, что ресурсы колоний, даже богатых, ограничены, особенно по кадровому составу. Планетологи там заняты решением актуальных задач: картографирование, структура и эволюция недр, полезные ископаемые, взаимодействие литосферы с атмосферой и гидросферой, неравномерность магнитного и гравитационного полей. Знания об этом нужны в первую очередь, ведь от них зависит выживаемость колонии».

«Можно было бы оформить исследовательский запрос. Варпы летают на Хокинг-четыре регулярно… – Серж сделал паузу, чтобы воспользоваться подсказкой Вики. – Раз в два геогода».

Эрзац-отец усмехнулся:

«Мне нужно тебе рассказывать, как относятся к исследователям аномалий в Академии или наших институтах?»

Серж покачал головой. Он и сам знал, как относятся. И все же тема его заинтересовала. Попрощавшись с эрзац-отцом, он сразу занялся изучением информации о дорогах Хокинга-4, предоставленной Колониальной службой, и убедился, что никто ни разу не попытался систематизировать собранные сведения. Визуальные материалы выглядели черновыми: они не были приведены к единому формату; также отсутствовали какие-либо описания. Однако чем дольше Серж вникал в скудные и разрозненные данные, тем больше увлекался. В этой загадке действительно было нечто завораживающее, и кандидату-аспиранту становились ясны мотивы тех ученых долимитного прошлого, которые веками искали затонувшую Атлантиду, гоняясь за призраком легендарного царства.

В свою очередь куратор Крамских отнесся к инициативе подопечного без всякого энтузиазма. Он был убежденным антропоцентристом и вслед за основоположниками окулизма полагал, что земной разум возник благодаря исключительному стечению обстоятельств и сам по себе аномалия; что для Интроспекции Универсума достаточно одного-единственного биологического вида; что познание имеет ценность только в тех случаях, когда направлено на изучение вещественного мира, а не фантомов, генерируемых воображением. Тем не менее, согласно стандартному протоколу взаимодействия при курировании работ гражданина-избирателя, Крамских не мог отклонить тему, которую выбрал Серж и принципиально одобрила Колониальная служба. Единственное – он настоял на том, чтобы подопечный обратился к «более серьезной» проблематике, если на месте выяснится, что дороги Хокинга-4 не представляют собой ничего особенного.

При подготовке к отправке Ивановских просмотрел и описания планетных систем, которые «Косберг» использовал в качестве промежуточных при варп-переходах: Фламмарион, Лаплас, Саган, Проктор. Среди прочей обильной информации, найденной Вики, кандидат-аспирант изучил статью о биотическом кризисе на Сагане-2. Там побывало всего три экспедиции, что объяснялось трудностями возвращения с поверхности на орбиту. Все они высаживались на побережье местной пангеи, ведь только там наблюдались признаки биологической активности. Анализ собранных образцов флоры и фауны выявил чрезвычайно низкое таксономическое разнообразие, что характерно для катабазиса – периода глобального биотического кризиса, следующего за массовым вымиранием. Поначалу открытие никого не удивило: любая биосфера периодически проходит через вымирания, вызванные как внешними,

так и внутренними причинами. Однако третья экспедиция, в состав которой вошли опытные палеонтологи, не смогла идентифицировать следы недавнего события, которое имело бы столь значимые последствия.

Один из авторов исследования высказал в качестве «безумной» гипотезы соображение о том, что искомое событие могло быть связано с деятельностью местной цивилизации, давно сошедшей с исторической сцены. На примере голоценового вымирания, начавшегося на Земле сто тысяч геолет назад и ускорявшегося по мере расселения людей по материкам, можно предположить, что подобный результат типичен для становления разумных видов: они доминируют в экосистемах, замещают естественный отбор искусственным, разрушают среды обитания, меняют природные ландшафты, а после промышленной революции все активнее влияют на климат. Есть даже мнение, что вымирание, порожденное разумом, необратимо для биосферы, что она так и будет угасать, не перейдя к анабазису – следующему этапу кризиса, когда разнообразие глобальной биоты опять начинает расти за счет освободившихся экологических ниш. Тут достаточно взглянуть на современный Универсум: если изъять из него человека, то почти все существующие многоклеточные формы жизни, восстановленные после лимитвойны, вымрут в течение тысячи геолет, то есть по меркам эволюционных процессов практически мгновенно, а биосфере придется пройти весь путь заново, а это с учетом оскудения легкодоступных ресурсов выглядит проблематичным. «Безумную» гипотезу можно было проверить, отправив экспедиции в самые древние районы, находящиеся в центре пангеи (там могут сохраниться следы промышленности), или на океанское дно (нарушение структуры отложений способно рассказать о происходивших на планете процессах). Понятно, что Колониальная служба не стала тратиться на проверку «безумных» гипотез: в системе Саган оставался только один экспедиционный корабль «Хуболт», а для его использования требовались куда более веские основания, чем подтверждение или опровержение домыслов палеонтолога, идущих вразрез с принципами окулизма. В итоге биотический кризис на Сагане-2 был внесен в список аномалий, но не из тех, за которые полагались скидки при транспортировке.

Серж, увлеченный дорогами Хокинга-4, принял информацию к сведению и даже успел забыть о ней, пока, просматривая напоследок журнальную ленту Академии планетологии перед стартом «Косберга», не наткнулся на две свежие статьи, представленные в межинститутский доступ Космофлотом и подписанные инициалами «О.К.». Они назывались «Самозверь. Дайкайдзю биосферы второй планеты GR-16 (Саган-2)» и «Феномен самозверя в условиях глобального биотического кризиса на второй планете GR-16 (Саган-2): гипотезы и модели». Вопросы, рассматриваемые в статьях, были далеки от профессиональных интересов кандидата-аспиранта, но неясное предчувствие подтолкнуло его к чтению, благо всегда можно обратиться к помощи Вики.

Выяснилось, что на Сагане-2 водятся дайкайдзю – так ксенобиологи называли на своем профессиональном жаргоне гигантских монструозных существ, полноценное описание которых затруднено из-за отсутствия земных аналогов. Первые экспедиции не обнаружили дайкайдзю, которых загадочный О.К. упорно именовал «самозверями», потому что они были обитателями центральных пустынь пангеи – то есть как раз тех районов, где, по мнению участника третьей экспедиции, нужно искать следы промышленных выбросов и артефакты исчезнувшей цивилизации. Если верить описанию, то дайкайдзю Сагана-2 были столь огромны, что их можно разглядеть с орбиты, однако появлялись они лишь в определенное время года. Проблема заключалась в том, что в пустыне при биотическом кризисе на стадии катабазиса никакое существо крупнее варана выжить не способно.

7

Наверное, Сержу не стоило назначать встречу с Опрой сразу после нападения: куда разумнее было бы подержать ее в изоляции. Но не терпелось узнать подробности о феномене самозверя и получить ответы хотя бы на самые общие вопросы. Кроме того, проведя восемнадцать геосуток на борту межорбитального шаттла, Серж соскучился по живому разговору: он был коммуникабельным молодым человеком и с трудом переносил долгое одиночество.

Впрочем, сначала преступницу следовало приструнить.

– Опра, я не выпущу вас до тех пор, пока вы не перестанете изображать из себя агрессивную психопатку. И до тех пор, пока не извинитесь.

Он приготовился выслушать поток брани, но фигурант, помолчав, сказала на универсале ровным голосом:

– Прошу простить меня, почтенный сударь. Я не хотела навредить вам. Мое поведение было неоправданно шокирующим. Я приму любое наказание и клянусь, что подобное не повторится.

Сержу ничего не оставалось, как выполнить обещание и выпустить ее из переходного отсека. Почувствовав голод, он назначил фигуранту свидание в пищевом модуле. Чтобы Опра не устроила еще какую-нибудь каверзу, кандидат-аспирант велел нейроядру отслеживать ее и информировать о любых изменениях маршрута.

Преступницу пришлось подождать. Выйдя из переходного отсека стыковочного модуля, она сначала отправилась в жилой блок номер один, где, как подсказало нейроядро, находится ее индивидуальная сфера. Там она какое-то время провозилась – вероятно, приводила себя в порядок – и появилась в пищевом модуле, когда Серж успел плотно пообедать и начал терять терпение.

Посещение жилого блока мало помогло Опре – она выглядела столь же отталкивающе, как и раньше: тот же необъятный живот, те же толстые ноги и тот же нездоровый цвет кожи. Тем не менее Серж, преодолевая легкое отвращение, внимательно ощупал ее взглядом, прикидывая, не прячет ли она в складках кэйкоги оружие более серьезное, чем самодельный нож.

– Салют, пацанчик! – сказала Опра, как будто забыв свои недавние извинения.

– Вы опять за свое? – возмутился Серж.

– Да ладно, пацанчик, не брызгай. – Опра подняла руки, демонстрируя дружелюбие. – Я здесь давно, одичала.

– Очень хорошо, что вы осознаете дикость своего поведения, – сказал Серж. – Предлагаю перейти к конструктивному диалогу. Вы обещали рассказать мне о самозвере. Прежде всего вопрос: откуда вы знаете о феномене?

– Я его открыла.

Заявление Опры выглядело удивительным, но только на первый взгляд. Серж был достаточно сообразителен для того, чтобы соединить две статьи, опубликованные под инициалами О.К., с единственным тест-смотрителем базы «Саган-орбитальный», имеющим ученую степень. Кто еще мог обнаружить дайкайдзю, если со времен третьей экспедиции здесь не проводились планомерные исследования?

– Ваша фамилия? – спросил Серж.

– Я лишена права на фамилию до истечения срока моего заключения.

Кандидату-аспиранту показалось, что лицо собеседницы дрогнуло.

– Можете назвать ее в виде исключения, – сказал он. – Я даю разрешение как гражданин-избиратель.

– Моя фамилия… Косых.

Все сходится. О.К. – Опра Косых. И, значит, она не врет. Ситуация проясняется. Она биолог и, вероятно, генетик. Здесь она изнывала от безделья и, конечно, понимала, что с каждым днем теряет квалификацию. Чтобы не утратить навыки исследователя, она стала наблюдать за планетой, и тут ей крупно повезло: она сделала открытие, которое заинтересовало аналитиков Космического флота. Не настолько, чтобы они организовали полноценную экспедицию на Саган-2, но достаточно, чтобы статьи Опры были опубликованы, а внезапная инициатива кандидата-аспиранта по смене темы первого самостоятельного проекта нашла поддержку.

– Почему вы назвали этих дайкайдзю самозверями? – спросил Серж.

– Давнее увлечение и свободные ассоциации, – призналась Опра, скривив толстые губы в подобие улыбки.

Потом она прищурилась и чуть нараспев продекламировала:

Аль свалился я с луны?
Ходят в комнате слоны.
За собачью конуру
Заскакало кенгуру.
По коридору катится
Тюлень и каракатица.
Дверь из кухни нараспах –
Лезет пара черепах.
Ах!
Караул!
Бросаюсь к двери,
Смят слоновой тушею,
Головой о брус.
Вдруг крик:
Вот трус!
Ах тетеря я, тетеря,
Эти звери – самозвери
И меня не скушают[9].

Серж сначала не понял смысла половины слов и решил, что Опра опять перешла на «птичий» язык, но потом сообразил: она использует старогагаринский.

– Какой это век? – поинтересовался он, когда фигурант закончила. – Мне кажется, что я где-то уже слышал это стихотворение…

– Первая половина двадцатого века по христианскому летоисчислению.

– Вы увлекались долимитными стихами?

– Я читала их своему… сыну.

Опра вдруг замолчала и отвернулась.

– Чаво, пацанчик, надоть? По базару калякай.

Серж понял, что обсуждать свои прошлые увлечения Опра не намерена. Впрочем, в том не было особой необходимости. Если самозверь, пусть будет самозверь.

– Вернемся к нашей теме, – предложил он. – Если я правильно понял ваши статьи, сударыня, в процессе наблюдений удалось зафиксировать четыре особи дайкайдзю. Все они появились в короткий, от пяти до шести геосуток, период, который предшествует сезонным песчано-пыльным бурям. После оседания пыли вы не смогли их обнаружить ни на прежнем месте, ни где-либо на континенте. Вы выдвигаете гипотезу, что дайкайдзю являются жителями сети

[9] Стихотворение поэта-футуриста Сергея Михайловича Третьякова.

известняковых пещер, которые образовались на месте озер и внутренних морей при высыхании центральных районов пангеи. Гипотеза выглядит обоснованной с учетом размеров дайкайдзю, внезапности их появления перед сезоном бурь и исчезновения после завершения сезона бурь. Через двести сол, то есть через триста двадцать шесть геосуток, дайкайдзю появились вновь. На этот раз вы зафиксировали пять особей и высказали соображение, что их выходы на поверхность связаны с брачным периодом, то есть дайкайдзю перемещаются навстречу друг другу для спаривания. Удалось ли подтвердить ваши предположения?

Ответ последовал не сразу. Опра вновь попыталась изобразить улыбку.

– Забудь об этом старье, пацанчик, – сказала она. – Все куда веселее. Самозвери не спариваются, они поют.

8

Пищевой модуль стал местом регулярных встреч, а отдыхали и работали обитатели «Сагана-орбитального» всегда по отдельности, поддерживая связь через внутреннюю сеть. Серж все еще с опаской относился к Опре, не доверял ей, но дел было много, поэтому кандидат-аспирант смирился с ее участием в подготовке высадки на поверхность планеты.

Разумеется, во время встреч они не только перекусывали, но и разговаривали, порой на самые неожиданные темы. Опра была своеобразным собеседником, постоянно сбивалась на «птичий» язык, чем изрядно досаждала Сержу, однако и впрямь оказалась ученым с хорошим багажом собственных знаний, поэтому кандидат-аспирант начал получать удовольствие от общения с ней.

Опра подтвердила его догадку о том, что занялась наблюдениями за планетой от скуки. Можно представить, насколько тяжело ученому переносить изоляцию без доступа к обновляемым информационным ресурсам, без связи с коллегами, без поддержки полноценной Вики и бот-ассистентов. Под ограничения подпадали и возможности использования оборудования базы: приставы, направившие Опру сюда, предполагали, что фигурант вместо несения службы тест-смотрителя, возможно, попытается по тем или иным причинам нарушить функционирование основных технических систем, что создаст угрозу существованию «Сагана-орбитального». Посему ни при каких обстоятельствах она не могла, например, отстыковать посадочную капсулу или экспедиционный корабль. Почти единственное, чем она могла заняться на досуге, – это анализ данных, собираемых регистрирующими приборами планетологического модуля. Но для того чтобы правильно расшифровывать и интерпретировать их, Опре пришлось получить знания по основам практической планетологии, что оказалось тоже непростым делом с учетом изоляции. Для этого она, по ее же собственным словам, прибегла к уловке. Как тест-смотритель, Опра должна была запрашивать инструкции у транзитных варп-кораблей при возникновении проблем, которые не способно решить управляющее нейроядро. Она сумела обмануть его, испортив центральный контроллер планетологического модуля и изобразив дело так, будто бы сбоил сам комплекс научной аппаратуры. Когда из варп-сфероида вынырнул очередной корабль, Опра по обычному радиоканалу послала подготовленный запрос, подтвержденный отчетом нейроядра. Топ-менеджер миссии принял материал, обсудил его с экспертами и в ответ переслал несколько терабайт обучающих программ и инструкций по работе с оборудованием научного модуля, прежде всего с набором оптических камер высокого разрешения, ультрафиолетовым и инфракрасным детекторами, радиолокатором синтезированной апертуры. Около пяти геомесяцев Опра потратила на то, чтобы освоить начальный курс Академии планетологии, разобраться в терминологии и принципах обработки результатов наблюдений, после чего взглянула на планету по-новому – не как дипломант, конечно, но как студент, проходящий первую в жизни полевую практику.

Мир Сагана-2, увиденный ею, был намного старше Земли – планетологи оценивали его возраст в шесть с половиной миллиардов лет. Соответствующей древности была и биосфера, зародившаяся, как и на других живых планетах, в гидротермальных источниках на дне океанов. Эволюция тоже шла по сходному сценарию: простейшие одноклеточные микроорганизмы, колонии простейших, симбиоз, переход к многоклеточности, специализация, разделение на флору и фауну, взрывной рост разнообразия, выход на сушу, периодические глобальные вымирания, возрождение и появление новых видов. Поскольку Саган-2 массивнее Земли, а сила тяжести на тридцать процентов выше, то местные формы жизни, описанные участниками трех экспедиций, имели общую характерную особенность – они как бы прижимались к поверхности, стремясь занять максимально большую площадь; здесь совсем не было высоких растений, летающей фауны и примитивных построек, создаваемых общественными животными. Зато часто встречались многоуровневые симбиотические комплексы, покрывающие побережья и похожие на толстые бактериальные маты, между которыми скользили ленты хищников длиной в десятки метров. Рядом на мелководье водились двухордовые миногообразные, привлекшие наибольший интерес второй экспедиции, но ими, пожалуй, биологическое разнообразие заканчивалось, что в конечном итоге и вызвало вопросы у ксенологов: трудно представить настолько древний мир с настолько бедным генофондом. Если отбросить «безумную» гипотезу, гласящую, что биотический кризис вызван деятельностью некоей цивилизации, сошедшей с исторической сцены, то самым простым объяснением становится особое сочетание планетографических и климатических факторов, которое пока что не может быть просчитано на основе популярных планетологических моделей.

Получив благодаря начальному курсу Академии общее представление о проблеме, Опра поняла, что самой интересной задачей для нее как ученого с ограниченным инструментарием может быть только изучение этих факторов в развитии с целью ретроспективной экстраполяции. Прежде всего стоило выяснить, когда образовалась пангея Сагана-2. Общеизвестно, что континентальный дрейф – процесс не только перманентный, но и повторяющийся: когда-то материки расходились, затем снова собирались в пангею. Если планета достаточно стара, то эпох пангеи должно быть много: на Земле образование единого суперконтинента повторялось с частотой раз в шестьсот миллионов лет. Саган-2 массивнее и вращается медленнее, поэтому континентальный дрейф с разделением и слиянием материков должен происходить дольше. Но насколько дольше? Ответ мог дать горный хребет, находящийся в геометрическом центре пангеи, и Опра сосредоточилась на его наблюдениях, пытаясь выделить признаки соответствия какой-нибудь из многочисленных моделей формирования типичного суперконтинента.

Однажды, незадолго до начала сезона бурь, произошло досадное событие: нейроядро скорректировало ориентацию «Сагана-орбитального», компенсируя накопившееся за счет вращающего момента градиента гравитации отклонение продольной оси от нормального направления. Но из-за того, что Опра так и не удосужилась восстановить полноценную работу главного контроллера планетологического модуля, нейроядро не смогло внести соответствующую коррекцию в положение оптических камер высокого разрешения, и те вместо горного хребта теперь «смотрели» на прилегающую пустыню, в которой, как считали исследователи, не было ничего интересного. Программа, которая занималась первичной обработкой изображений, получаемых камерами, была довольно тупой, но умела реагировать на значительные изменения в подстилающей поверхности: когда камеры оказались перенаправлены, она сравнила новые виды с ранее заложенной картой и радостно сообщила в сеть о наблюдаемой тектонической катастрофе. Опра немедленно примчалась на пост оператора планетологического модуля и, конечно, была поражена увиденным. На ее глазах сравнительно ровная поверхность пустыни вздыбилась свежими курганами, кое-где в ней образовались глубокие темные провалы, рядом были хорошо различимы широкие борозды, уводящие, казалось, в никуда. По ассоциации зрелище вызвало у нее детское воспоминание: о сырой после дождя почве в саду, из которой

вылезают, расползаясь во все стороны, земляные черви – Lumbricina из отряда Haplotaxida. Куда же ведут эти борозды? Что за гигантские черви вылезли на поверхность?

Ответов на эти вопросы пришлось подождать один сол, то есть местные сутки, когда планета под базой, находящейся на полярной орбите, провернулась, и великая пустыня пангеи вновь попала в поле зрения камер высокого разрешения. На этот раз Опра сама вела наблюдение, управляя ими вручную, и довольно быстро отыскала первого дайкайдзю – с этой высоты он был похож на разноцветную гусеницу длиной десять километров. Чудовище казалось неподвижным, не проявляло активности, но еще через сол обнаружилось на полтораста километров севернее своего первоначального положения.

Хотя по образованию Опра была геномиком, она, разумеется, обладала достаточным багажом знаний в области экологии, поэтому пришла в замешательство: гигантская гусеница внизу могла быть только животным, но в раскаленной пустыне, вдали от водных ресурсов, нет кормовой базы, достаточной для поддержания жизнедеятельности столь крупного организма. Смущала и скорость передвижения дайкайдзю: чтобы сдвинуть огромную тушу при местной силе тяжести, потребовалась бы колоссальная энергетика и бешеный метаболизм, но чтобы разогнать ее до скорости три-четыре километра в час по бездорожью и по шершавой, как наждак, поверхности, необходимо нечто большее, чем мускульное усилие. Тогда впервые Опра задумалась о том, что перед ней не животное, а какой-то механизм – вероятно продукт местной цивилизации, скрывающейся в подземных сооружениях.

Впрочем, вскоре она пересмотрела свое отношение к феномену. Дело в том, что обнаруженный дайкайдзю оказался не единственным: Опра заметила еще одного, размером побольше, потом – еще одного и еще. Самая крупная особь была длиной восемнадцать километров, но при этом двигалась не менее шустро, чем ее сородичи. Затем пустыню накрыла песчано-пыльная буря, и наблюдения за гигантскими гусеницами пришлось прервать: разрешения всепогодного радиолокатора, увы, не хватало для того, чтобы выделить дайкайдзю на фоне рельефа. Но в любом случае наличие четырех громоздких супермашин, если принять гипотезу об их искусственном происхождении, не могло быть обособленным явлением: так или иначе стали бы заметны признаки техногенного воздействия на ландшафт, активность вокруг и тому подобное.

В свое время Опра прослушала ознакомительный курс ксенологии, а по роду профессиональной деятельности ей приходилось проводить сравнительный анализ геномов земных и инопланетных животных, поэтому она имела представление о самых экзотических тварях, которых можно встретить на планетах, включенных в Универсум. Она вспомнила, что в молодом мире Лапласа-3, отличающемся резкой сменой сезонов, распространены пазлоиды – странствующие колонии, состоящие из множества созданий разных видов, которые объединяются во временное симбиотическое сообщество для более эффективного выживания при климатических изменениях. Например, при затапливании обширных долин мелкие твари, напоминающие земных муравьев, отыскивают свободноплавающих существ типа гидрозоев, взбираются и поселяются на них, при необходимости защищая свой «спасательный плот» от многочисленных хищных личинок, для которых как раз начинается этап роста, сопровождаемый активной охотой. Возможно ли, что дайкайдзю Сагана-2 – это тоже пазлоиды, формирующиеся из обитателей подземных полостей во время сезонных бурь? Почему бы и нет? По крайней мере, новая гипотеза объясняла, каким образом многокилометровая гусеница перемещалась по поверхности со скоростью идущего человека: если она состоит из мириадов сравнительно небольших существ, которые держатся вместе, то с высоты будет казаться единым и совершенно неподъемным организмом.

Так или иначе, следовало продолжить наблюдение. Большие надежды Опра возлагала на окончание ураганов и с нетерпением ожидала момента, когда осядет поднятая ими пыль. На планете с повышенной силой тяжести это происходит быстрее, чем на Земле, и атмосфера

вскоре очистилась, но Опру ждало разочарование: дайкайдзю исчезли вместе со всеми следами своего пребывания на поверхности – пустыня снова выглядела девственной, как десятки сол назад. Если бы информационные накопители «Сагана-орбитального» не содержали четкие цифровые снимки гигантских гусениц, вылезших из глубоких нор, то можно было бы подумать, что Опре все это привиделось.

Чтобы сделать хоть какие-то предварительные выводы о феномене, следовало зафиксировать его повторение. Логично было предположить, что дайкайдзю вновь появятся перед наступлением сезона бурь, однако природа редко следует человеческой логике, поэтому Опра вела наблюдение весь год. Она мониторила не только районы, где были замечены первые гусеницы, но и старалась охватить территорию великой пустыни как можно шире. Иногда над песками проносились обычные малые ураганы, вызванные погодными флюктуациями, и тогда Опра сутками не выходила из планетологического модуля. Увы, все было тщетно: дайкайдзю как сквозь землю провалились – в самом прямом смысле старогагаринского выражения.

Потеряв возможность наблюдать движение гусениц, Опра занялась анализом их перемещений и сразу сделала новое открытие: все дайкайдзю, без сомнения, направлялись в один и тот же район, расположенный около условного геометрического центра пангеи. Она тут же нацелила камеры, радиолокатор и прочие приборы на эту безымянную область. Результаты новых наблюдений разочаровывали: вычисленный район ничем не отличался от окружения, даже цветом, хоть и имел небольшое, до семи метров, превышение относительно средней высоты рельефа.

Опра была близка к отчаянию, но планета в конечном итоге вознаградила ее упрямство: незадолго до начала глобальной бури дайкайдзю вылезли на поверхность. И снова, вне зависимости от местоположения, направились к неприметному холму в центре пангеи. Почему именно туда? Здесь нет ясности – нужны раскопки и сейсмотомографическое исследование. Главное, что Опра убедилась: шествие гигантских гусениц по пустыне не является редчайшим явлением для Сагана-2, имеет четкую сезонную привязку и может быть объяснено существованием развитой пазлоидной биосферы в полостях под поверхностью пустыни, образовавшихся после высыхания внутренних озер и морей. Скорее всего, там сохранились какие-то источники воды и запасы древних донных отложений, поддерживающие биоценоз.

Зачем пазлоиды выходят на поверхность и совершают длительные путешествия? Скорее всего, затем же, зачем странствуют перелетные птицы или зачем идет через речные пороги нерестящийся лосось. То есть либо ради пищи, либо ради размножения. Окончательно прояснить вопрос могло бы наблюдение за непосредственным контактом различных дайкайдзю в районе их встречи, который Опра, в очередной раз отпустив на волю свое воображение, назвала Ургой. Но возвышенность Урги была сокрыта под тучами из пыли, поднятой глобальной бурей, поэтому фигуранту ничего не оставалось, как написать две статьи по итогам наблюдений, отправить их в сеть межинститутского обмена с пролетавшим мимо варп-кораблем и ждать, не заинтересуется ли феноменом какой-нибудь пытливый исследователь или институт, обладающий ресурсами для организации полноценной экспедиции.

Ждать пришлось долго. Миновал местный год, в пустыне опять появились дайкайдзю, над суперконтинентом разразилась буря. Опра задействовала все инструменты планетологического модуля, но они мало что могли дать нового. И тогда ей пришла в голову оригинальная идея: направить на Ургу главную ультракоротковолновую антенну базы. Результат превзошел ожидания: Опра поймала четкий сильный сигнал, модулированный по амплитуде. Она мало разбиралась в радиотехнике, но ей помогло нейроядро, которому хватило сообразительности преобразовать сигнал в аудиоформат. В результате получился ритм, подчиненный принципу золотого сечения. Сомнений быть не могло: слепая эволюция не способна создать существа, которые обмениваются модулированными сигналами на УКВ-частотах. По крайней мере, до сих пор ничего подобного земляне во Вселенной не встречали.

9

– Песнь самозверя, – повторил Серж слова Опры, когда та закончила рассказ о феномене и дала прослушать запись преобразованного сигнала. – Поэтично. Да, я согласен с вами, сударыня. Перед нами космическое чудо. Оно вполне способно изменить научную картину мира. Примите мои поздравления.

Фигурант презрительно скривилась и отозвалась в своей манере:

– Лизуна засунь, пацанчик. Идеи по природе есть?

Серж выдержал приличествующую событию паузу и на всякий случай уточнил:

– Что вы знаете о Прокторе, сударыня?

– Гринч-шестьдесят-шесть, – ответила Опра. – Красный карлик. Система из девяти планет. Колония Универсума находится на Прокторе-один, планете-синхроне. Уникальные ксеноформы: выползень Проктора, летяга Проктора, мышекроль Проктора.

– Впечатлен вашей эрудицией, сударыня. Но я говорю не о системе Гринчевский-шесть-шесть, а о Ричарде Прокторе, в честь которого она названа. Его относят к основоположникам протоокулизма.

– Не знаю, – сообщила Опра. – Протоокулизм, окулизм – мусор. Я геномик, пацанчик, а не дуралей.

– Среди мастеров Трилобит-кома много геномиков…

– Дуралеев везде хватает. Так что там Проктор?

– Ричард Проктор, – повторил Серж, – английский астроном и энциклопедист долимитной эпохи, середина девятнадцатого века по христианскому летоисчислению. Написал множество популярных работ по астрономии, космологии, ксенологии. Среди его достижений – формулировка проблемы шести минут, на которой основывается третий принцип окулизма. Он предложил читателям-современникам представить себе гипотетическую ситуацию. Допустим, вы хотите связаться с приятелем по телефону, но вы знаете, что в течение геодня, десять часов, шестьсот минут, он будет у телефона всего лишь шесть минут. Какова вероятность, что, когда вы выйдете на связь, ваш приятель будет находиться у телефона? Конечно, она не нулевая, но очень близка к нулю. Этим наглядным примером Проктор проиллюстрировал вывод, который он сделал на основе сравнения общего времени эволюции, предбиологической и биологической, с временем существования человечества как разумного вида. В эпоху Проктора считалось, что Земля возникла всего лишь несколько миллионов геолет назад, о миллиардах не шла речь, но даже при таком допущении вывод выглядел неутешительным: время существования разума ничто по сравнению с эрами формирования звезд, планет и роста жизни – шесть минут против десяти часов. Насколько велика вероятность, что в данный момент где-то в обозримой Вселенной есть еще один разумный вид, который ждет, когда мы выйдем на связь? Конечно, она ненулевая, но очень близка к нулю…

– Я поняла, – буркнула Опра. – И что нам дает этот древний хрыч?

– Вы не дослушали, сударыня. – Серж старался быть терпеливым. – Третий принцип окулизма, основанный на проблеме шести минут, пожалуй, самый спорный. Даже в Трилобит-коме хватает мастеров, которые скептически относятся к нему. Нет, конечно, никто из адептов окулизма не ставит под сомнение антропоцентрическую аксиоматику. Но основное возражение скептиков звучит так: Проктор был прав, но он не подозревал, что когда-нибудь появятся автоответчики. Достаточно развитая цивилизация найдет способ передать информацию о себе в будущее, за пределы своего существования. Мы это делаем за счет космонавтики, колонизации экзопланет. Разум Сагана-два, вероятно, пошел другим путем. Самозвери – это нечто искусственное, сконструированное миллионы лет назад для решения каких-то местных задач и сохранившееся после глобального вымирания. Я понимаю, что высказываю экстремальную

гипотезу, но с ней хорошо согласуются все факты, которые нам сегодня известны. Древность планеты, биотический кризис на стадии катабазиса, пазлоидность самозверя, модулированный сигнал на ультракоротких волнах. Конечно, теоретически можно подобрать и другое объяснение космическому чуду. И тут вам, сударыня, как геномику виднее. Существует ли техническая возможность передавать осмысленную информацию через биосистемы?

– Существует, – отозвалась Опра. – Любая биосистема транслирует информацию от поколения к поколению. Мы тоже самозвери, пацанчик, и тоже в чем-то пазлоиды. Но не так все просто, как тебе кажется. Что реально прячется там внизу, мы узнаем только после того, как ты туда отправишься…

10

Подготовка к высадке на поверхность Сагана-2 входила в самую ответственную фазу, но Серж так и не смог определиться, насколько он может доверять Опре. Она знала и умела больше, чем хотела показать. Например, когда кандидат-аспирант пытался выяснить, каким образом ей удалось раздвоить его аватар, Опра вновь перешла на «птичий» язык, в котором вульгаризмы сочетались с малопонятной терминологией.

В конечном итоге она все же призналась, что за годы пребывания здесь научилась обманывать нейроядро «Сагана-орбитального», устраивая различные мелкие поломки в системе телеуправления и заставляя его выходить за рамки стандартных протоколов безопасности. Когда Серж, стартовав на межорбитальном шаттле и пройдя идентификацию в местной сети, получил более высокий допуск, чем тот, на который могла рассчитывать Опра как тест-смотритель, она вручную перенастроила блок радиоузла и запустила небольшую программу, имитирующую поток канала связи с шаттлом. Далее от имени кандидата-аспиранта она взяла контроль над системами базы и начала подготовку миссии на планету.

Зачем ей все это понадобилось? Приближается сезон бурь, самозвери скоро должны появиться на поверхности, следующий шанс представится только через год. Получается, что она была уверена в согласии Сержа поддержать ее план? Или собиралась поставить его перед фактом? Впрочем, не это было главным в сомнениях кандидата-аспиранта: он мысленно представил себя в положении Опры с учетом ее профессионального профиля и понял, что ему и в голову не пришло бы провернуть подобную хитроумную операцию по овладению управлением базы: архитектура и эксплуатация коммуникационного оборудования находилась в ведении дипломантов Академии информационных и вычислительных технологий, которая крайне неохотно делилась какими-либо подробностями о своих достижениях и основах построения систем, предоставляя конечным пользователям лишь кипы поэтапных инструкций. Хотя оборудование «Сагана-орбитального» нельзя назвать новейшим уже тридцать геолет, на него все равно распространялись нормативы по охране авторской тайны, поэтому без специального разрешения получить доступ к описанию недокументированных команд попросту невозможно. Напрашивалось только одно объяснение: когда-то она уже имела опыт работы с низкоуровневым программированием, и у нее были хорошие учителя. Чего еще ждать от Опры Косых? Какие секреты она скрывает? После некоторого размышления на эту тему Серж решил оставаться настороже и по возможности выяснить, что собирается делать Опра в дальнейшем, когда он вернется на базу.

Сам план высадки, составленный ею, не вызывал каких-то нареканий. Кандидат-аспирант не смог бы придумать лучше. Возможности экспедиции ограничивались двумя природными факторами. Первый фактор – гравитация планеты, заметно превышающая земную. Поскольку стартовых комплексов и катапультных башен на Сагане-2 пока никто строить не собирался, то экспедиционные корабли изготавливались с ракетным модулем, возвращаемым на орбиту. Однако полный состав экспедиции ракетный модуль при такой силе тяжести «потянуть» не

мог, поэтому его снабдили сбрасываемыми бустерами, заправляемыми за счет местной атмосферы, – компоненты топлива синтезировались молекулярными конверторами в течение срока работы экспедиции, который обычно составлял не больше пятидесяти геосуток. Вернуться на орбиту без заправки ракетный модуль не мог физически – как говорят дипломанты Академии космонавтики, «энергетика не позволяет». Конечно, один Серж с минимальным запасом жизнеобеспечения по весу не входил ни в какое сравнение с полной экспедицией из двенадцати специалистов, но тут приходилось учитывать второй природный фактор – песчано-пыльную бурю. Высота экспедиционного корабля с возвращаемым ракетным модулем – полтораста метров, причем центр масс после посадки и исчерпания топлива тормозной двигательной установки смещается вверх, что снижает устойчивость конструкции. Большая парусность и высокий центр масс делают корабль уязвимым перед сильными ветрами, которые могут запросто опрокинуть его. Поэтому экспедиции на Саган-2 проводились только в сравнительно тихие периоды и направлялись в прибрежные районы пангеи, где тоже случаются штормы, но не столь масштабные. Серж должен был высадиться перед началом сезона бурь, и если бы он стал дожидаться, когда конверторы наполнят бустеры синтезированным топливом хотя бы наполовину, то скорее дождался бы заваливания корабля. Казалось, что нет возможности изучить загадочных самозверей в непосредственном контакте, но Опра продумала свой план до мелочей и принялась претворять его в жизнь еще до прилета Сержа на базу.

Прежде всего она технически разделила посадку и взлет. На «Сагане-орбитальном» находится сто двадцать капсул, которые при необходимости могут нырнуть в атмосферу планеты и спуститься в ней с обычным парашютом. Такую возможность конструкторы предусмотрели на случай, если не только варп-корабль, следующий транзитом, но и сама база получит повреждения, после которых ее эксплуатация станет затруднительной. Каждая капсула была рассчитана на трех человек с аварийными запасами и герметизируемым надувным домом. Серж должен был спуститься в одной из капсул на поверхность, и тройного запаса ему хватило бы на целый геогод. Однако фигурант не собиралась так долго держать его посреди пустыни и решила ограничиться десятью солами: потом ветры усилятся настолько, что возвращение на орбиту станет невозможным. Два аварийных запаса она предложила выгрузить из капсулы, а на их место установить оборудование для сбора и экспресс-анализа образцов, позаимствованное на экспедиционном корабле. По истечении десяти сол корабль, управляемый собственным нейроядром, должен будет прилететь за Сержем, после чего кандидат-аспирант вместе с образцами заберется в возвращаемый ракетный модуль и стартует к базе. Поскольку времени на заправку бустеров модуля было ничтожно мало, Опра придумала по возможности облегчить его и синтезировать топливо непосредственно на орбите из ресурсов системы жизнеобеспечения базы. С этой целью она перестыковала «Хуболт» так, чтобы получить доступ к возвращаемому модулю. Опра отлично разбиралась в химии и, используя свой опыт работы с молекулярными конверторами, собрала синтезатор из медицинского оборудования, а к моменту прибытия Сержа получила сто тонн готовых компонентов. До высадки на поверхность предстояло синтезировать еще триста тонн, перекачать их в баки бустеров, снять лишнее с возвращаемого модуля и самого корабля, еще раз продумать схему посадки и взлета, составить инструкции для нейроядра и учесть тысячу мелочей. Хотя Серж и не был готов довериться Опре, он поддержал ее план и включился в работу. Ведь, в сущности, ради этого он сюда и прилетел.

11

Любопытство Сержа по поводу прошлого Опры росло, и он ждал удобного момента выяснить, за что она получила срок на «Сагане-орбитальном». Случай представился во время очередного обеда в пищевом модуле. Сначала они обговорили текущие дела, обсудили возникшие технические проблемы, потом незаметно переключились на феномен самозверя, и Серж при-

знался, что на его решение изменить тему научно-исследовательской работы косвенно повлияли игровые учения на лунном полигоне, куда новоиспеченных дипломантов Академий направили по распоряжению Великого гроссмейстера Трилобит-кома.

Игры не были чем-то особенным: они проводились ежегодно с привлечением массы выпускников, и допуск к ним расценивался как признание квалификации и первый настоящий шаг во взрослую жизнь. Учения организовывали на Земле: в отдаленных дистриктах, на шельфах Мирового океана, в жерлах вулканов, на вершинах горных хребтов. Но на этот раз мастера Трилобит-кома подготовили площадку в Море Спокойствия, поблизости от Заповедника Аполлона, на руинах военной базы, построенной в долимитную эпоху. В качестве сценария они взяли забытый фантастический роман «Лунная куколка»: мастера вообще часто использовали идеи из старой фантастики. Сами игры проходили следующим образом: группы, составленные из выпускников разных Академий, высаживались в произвольных частях полигона, обнаруживали некие артефакты «неземного» происхождения и после всестороннего изучения находок должны были проникнуть в сооружения базы, построенные под слоем грунта. Там их поджидало новое открытие – синтеты-модификанты, похожие на огромных уродливых насекомых, которые, согласно легенде учений, пребывали в «спячке» миллионы лет. Если группа по тем или иным причинам нарушала протокол работы с ксеноморфами, синтеты «просыпались», организовывались в рой и атаковали ее. Если группе удавалось обойти все ловушки, расставленные мастерами Трилобит-кома, она получала в качестве приза вымышленную историю цивилизации селенитов, которая погибла в незапамятные времена. Сержу повезло оказаться в группе, которая прошла квест до благополучного финала, и среди его кубиков-накопителей был наградной, найденный на Луне.

На конференции в Боскасле, где подводились итоги игровых учений, достопочтенный Макс Полянских, Великий гроссмейстер Трилобит-кома, в своей лекции объяснил, какой урок окулисты хотели преподать новому поколению граждан-избирателей. «Зачем мы здесь? Для чего мы рождены? Какой смысл в нашем существовании? Что ждет нас впереди? – говорил гроссмейстер, чеканя слова, которые далеко разносились под хрустальным куполом Palatium Contemplationem. – Мы думаем, что знаем ответы, но так ли это? Мы называем себя глазами Вселенной, органом Интроспекции Универсума, но нет ли в этом слепоты невежества? Мы смело преобразуем мир, но нуждается ли он в преобразованиях? Если мы отрицаем разумный замысел в генезисе мира, то чем мы лучше пейзан, которые отказываются от гражданских прав и обязанностей ради комфортного проживания?.. На Луне вы, мои дорогие сударь и сударыни, столкнулись с космическим чудом – реальным доказательством существования иных разумных интроспекций. Да, это была игра, продукт воображения наших мастеров. Но мы не исключаем, что в будущем кто-нибудь из вас станет свидетелем реального космического чуда. Оно наверняка будет жестоким, оно наверняка будет страшным. Не нужно бояться, вы не животные и не пейзане, вы должны осознавать высочайшую ценность космического чуда, потому что сами являетесь космическим чудом. Любой глаз познает мир, но только разумный глаз способен познавать познание. И только через познание познания все в этом мире обретает смысл, включая наше существование».

Лекция Великого гроссмейстера произвела на Сержа большое впечатление, он часто ее вспоминал, а сюжет «Лунной куколки» удачно совместился на ассоциативном уровне со статьями о феномене самозверя. Все это вместе и привело его в систему Саган, а инициативность Опры открывала возможность вновь взять главный приз: на этот раз не в игре, а в реальности.

– Если моя… наша гипотеза подтвердится, то я смогу рассчитывать на собственную кафедру, – подытожил Серж. – А вы, сударыня, на досрочное освобождение.

– Мал ты еще, пацанчик, – отозвалась Опра, всем видом показывая, что ей перспективы вовсе не кажутся радужными. – Зелен. Не трухаешь сам фигурантом стать?

Кандидат-аспирант поморщился, но все же уточнил:

– Что означает «трухаешь»?

– Не опасаешься? Не боишься?

Серж смутился.

– Не понимаю, на что вы намекаете, сударыня. Когда мой куратор по научно-исследовательской работе, почтенный сударь Крамских, узнает подробности о дайкайдзю и передаче на ультракоротких волнах, он наверняка одобрит мое решение, Академия или Университет закроют долг перед Космофлотом, и будет создан институт для изучения системы Саган, поскольку исследования здесь имеют фундаментальное значение.

– Ты даже не представляешь, пацанчик, как мне все это знакомо, – проворчала Опра. – И энтузиазм, и мечты о кафедре, и фундаментальное значение.

– Я вижу, вы скептически относитесь к перспективам экспедиции на Саган, но зачем в таком случае участвуете в ее организации?..

– С перспективами все пучком, но дальше попрет политика. Уверен, что Ватикан и Боскасл согласятся ломать аксиоматику ради прихотей зеленого пацанчика? И этот твой Крамских, думаешь, пожертвует своим статусом, когда этики ему пистон вставят?

Серж вдруг понял, что Опра проговорилась. Она получила срок по восьмой статье кодекса наказаний, за преступление в области Tutela Sacrum, то есть ее обвинителем, скорее всего, выступал Этический Университет. С учетом того, что по образованию она геномик, несложно сопоставить фрагменты информации и сделать напрашивающийся вывод: ее исследования как-то затрагивали человеческую природу. Серж никогда не интересовался этой темой, но еще в школе ходили слухи о группе генетиков-изуверов, которые устроили на Прокторе-1 лабораторию, где пытались модифицировать человеческие зародыши так, чтобы получившиеся гуманоиды были более приспособлены к экзотическим условиям планеты, всегда повернутой одной стороной к своему светилу. Но вроде бы лабораторию обнаружили и разрушили еще до рождения Сержа. Вряд ли Опра участвовала в ее работе. Или все-таки участвовала? Сколько ей лет?..

– Моя… наша работа не имеет отношения к вторжению в человеческую природу, – сказал Серж осторожно. – Мы изучаем инопланетную фауну, которая развивалась без вмешательства землян. Ксенология в полевых условиях.

– Вон ты как залопотал! – Опра ухмыльнулась. – Чуешь, пацанчик, чем пахнуло?

– Мне не интересны ваши фантазии. – Серж разозлился. – Хоть вы и первооткрыватель феномена и помогаете мне в работе, это не отменяет того факта, что вас направили сюда за тягчайшее преступление против человечности. Нет оправдания тем, кто прикрывается высшими интересами познания, чтобы нарушить чистоту Интроспекции Универсума.

– Какая чистота, пацанчик? Хватит повторять ватиканские бредни! На генетическом уровне современный человек отличается от долимитного больше, чем обезьяна от человека. Мы все модификанты, пацанчик. Нет, я знаю, что вам мозги в академиях пудрят, но собственной извилиной надо иногда шевелить, а? Или ты всерьез полагаешь, что люди всегда жили по двести лет, летали в невесомости и отращивали утраченные конечности? Настоящие природные Homo sapiens sapiens не пережили лимит-войну – они такой же вымерший вид, как неандертальцы.

– Не верю! – воскликнул Серж, потеряв терпение. – Это лженаучная ересь.

Опра остановилась и некоторое время заинтересованно разглядывала кандидата-аспиранта, будто увидела в первый раз.

– Поразительно, – сказала она после паузы. – Похоже, в Универсуме многое изменилось в мое отсутствие. Верю, не верю, лженаучная ересь. Ватикан начинает оправдывать свое название. Ты смотри, пацанчик, раз у вас стало так мудрено, то подумай, стоит ли о своем открытии кому-нибудь сообщать. Вдруг сочтут гипотезу иной интроспекции покушением на святыню.

Сержа начала тяготить нелепость ситуации. Он вспомнил предостережение Авани Гопал о последствиях контактов с преступницей и сейчас сожалел, что не прислушался к нему. Опра таки сумела втянуть его в сотрудничество, показав, что без нее он не справится. И теперь, очевидно, пытается повлиять на него психологически, склонив на свою сторону и заставив усомниться в справедливости приговора. Следовало остановить ее.

– Возвращайтесь к работе, сударыня, – сказал он с подчеркнутой холодностью. – Вряд ли мне стоит прислушиваться к советам тест-смотрителя со статусом ниже пейзанского.

– Твой выбор, пацанчик, – отозвалась Опра и добавила непонятно: – Дубль поганый!

12

Они больше не затрагивали вопрос возможных последствий открытия феномена самозверя. Инцидент начал забываться, но, главное, Серж перестал опасаться, что Опра устроит ему какую-нибудь пакость. Ведь если она и впрямь уверена, что кандидат-аспирант, прилетев сюда, сделался в какой-то мере ее соучастником, то не будет вредить экспедиции. Значит, все пройдет как надо, а дальше, вернувшись на базу, он решит, как поступить с ней. Например, Опру можно будет изолировать до прилета очередного варп-корабля. По расписанию, кстати, «Косберг» возвращается из системы Хокинга через сорок геосуток: можно будет доложить Авани о результатах экспедиции и воспользоваться поддержкой, на которую она намекала перед расставанием.

Разумеется, Серж не остался равнодушным к утверждению Опры о том, что современные люди являются генетическими модификантами. Укрывшись в своей индивидуальной сфере, он подключился к локализованной Вики и убедился, что фигурант преувеличивает. Мягко говоря. Да, в годы лимит-войны, отгремевшей в конце двадцать первого века по христианскому летоисчислению и поставившей человечество на грань вымирания, в том числе из-за активного использования генетического оружия, ученые были вынуждены применить методы защиты, например криспер-редактирование генома взрослого человека. Однако в то же самое время было выработано и понятие условной «нормы», которую Этический Университет теперь называет Sacrum – «святыня». Внесение изменений в «нормальный» геном как взрослого человека, так и зародыша признали тягчайшим преступлением, не имеющим срока давности. Было разработано довольно сложное законодательство, учитывающее массу вариантов изучения человеческого генома без его модификаций; был установлен предел модификаций для животных, а любое исследование, связанное с ДНК и РНК, контролировалось Ватиканом и профильными университетами. Позднее доктрина Tutela Sacrum стала частью философии и идеологии окулизма, распространяемого Трилобит-комом – всемирной образовательной организацией со штаб-квартирой в Боскасле. И хотя, как узнал Серж из исторической справки, далеко не все мастера Трилобит-кома считали человеческую природу «святыней», которую нужно бдительно охранять и защищать, в целом среди духовных лидеров Универсума сохранялось единство по этому вопросу. Остальное, включая невнятные угрозы, Опра, конечно, выдумала.

Все складывалось как нельзя лучше, оставалось только определить место посадки на поверхность. Логичным выбором выглядела возвышенность Урги, куда год за годом направлялись самозвери. Заодно можно было бы проверить этот район на наличие аномалий, которые свидетельствовали бы о разумной деятельности в прошлом. Однако у Опры не было уверенности, что экспедиционный корабль сможет успешно сесть там, особенно в разгар песчано-пыльной бури. Поэтому, наложив «тропы» дайкайдзю на карту, она выбрала того из самозверей, который отличался наибольшим «постоянством», то есть перемещался по одному и тому же маршруту три года подряд. Посовещавшись, Серж и Опра назвали его Гамерой – в честь гигантской огнедышащей черепахи, которая, согласно долимитной японской мифологии, защищала Землю от всевозможных вымышленных чудовищ.

Фигурант промоделировала «тропу» Гамеры с учетом изменения погодной обстановки и выбрала подходящее место – в двух километрах от предполагаемого выхода самозверя на поверхность по направлению к Урге. Серж выслушал соображения Опры и поддержал ее. Когда Гамера вылезет, некоторое время она будет оставаться в неподвижности, и он сможет ее спокойно изучить, снять объемное видео для виртуала и собрать образцы. Спуск с орбиты решили осуществить за два сола до предполагаемого появления дайкайдзю, чтобы кандидат-аспирант успел адаптироваться на планете, распаковать и разместить научно-измерительную аппаратуру.

Последний сол перед отправкой прошел в суете. Опра при поддержке нейроядра еще раз тестировала системы посадочной капсулы, а Серж облачился в аварийно-спасательный скафандр, в котором ему предстояло провести все время на поверхности. Это был легкий гибкий костюм, созданный специально для планет, имеющих кислородную атмосферу и сносный климат. Поскольку в условиях высокого давления и повышенного содержания кислорода любой человек немедленно заработал бы гипероксию, скафандр был снабжен фракционирующим фильтром-абсорбером на задней части шлема. Серж потренировался, осваивая контрольную панель на рукаве и процедуру замены фильтра. Удостоверившись, что все работает нормально, он занял место в капсуле.

Как и ожидалось, расстыковка с узлом эвакуационного терминала базы прошла без проблем. Пружинный толкатель придал капсуле начальное ускорение, отправляя ее в свободный полет. Через минуту «Саган-орбитальный» затерялся среди звезд. Серж остался один на один с громадой планеты, повернутой к нему глубокой синевой океана, часть южного полушария была закрыта сплошной облачностью, сверху похожей на ковер из ваты. Нейроядро базы вышло на связь, чтобы уточнить параметры орбиты капсулы и запустить циклограмму спуска. Потом Серж услышал голос Опры:

– Шестнадцать-восемь-тридцать, что вы делаете? Шестнадцать-восемь-тридцать, отвечайте немедленно. Что происходит? Что вы делаете?

Серж удивился. Они не договаривались с Опрой о специальном численном позывном, ведь в системе Саган их было всего двое: трудно запутаться. Поэтому он спросил:

– Что вы говорите, сударыня? Не понимаю вас.

Но вместо ответа из динамиков полился треск помех. В тот же момент сработали твердотопливные двигатели тормозной установки, и всякие вопросы вылетели у Сержа из головы: скорость капсулы упала ниже первой космической для Сагана-2, и она начала вход в атмосферу. В виртуале раскрылась информационная рамка с картой планеты и данными траектории. Пока что все индикаторы горели зеленым, а траектория схода совпадала с расчетной. Перископическая система обзора показывала планету в реальном цвете. Океан Сагана-2 занимал уже всю переднюю полусферу, справа наконец-то появилось побережье пангеи. Серж почувствовал плавно нарастающую перегрузку, вдавливающую его в кресло. Внешнюю поверхность капсулы охватило ярко-багровое пламя. Перегрузка продолжала увеличиваться, кандидат-аспирант не мог больше поднять рук, и ему показалось, что он слепнет. Усилием воли Серж подавил панику, вспомнив техническое описание капсулы: там сообщалось, что перегрузки при посадке на Саган-2 по баллистической траектории могут достигать пятнадцати-шестнадцати единиц, поэтому возможны временная слепота и даже потеря сознания.

Все когда-нибудь кончается: спало пламя, тяжесть исчезла, а переднюю полусферу теперь занимал не глубокий синий океан, а желтая плоскость бесконечной пустыни. Индикаторы продолжали светиться зеленым.

Дальнейшие события развивались очень быстро. Раскрылись парашюты, капсулу дернуло, Серж клацнул зубами, пустыня быстро надвинулась, и вдруг прямо под ногами ровная поверхность начала проваливаться вниз, в расширяющейся яме что-то массивно ворочалось, в рамке виртуала зажглось сразу несколько красных индикаторов, а мягкий женский голос спо-

койно произнес: «Аварийная ситуация. Посадка по расчетной траектории невозможна. Приготовьтесь к катапультированию». Капсула раскрылась, и еще через секунду Сержа выбросило из нее. Система сработала четко: реактивный двигатель кресла уносил пассажира подальше от растущего провала до тех пор, пока не выгорел запас топлива. Затем кресло выпустило собственный парашют, и некоторое время Серж болтался под белоснежным куполом, погружаясь в плотный раскаленный воздух, словно в бассейн с нагретой водой.

Мягкой посадку назвать было трудно. Вблизи пустыня оказалась не такой ровной, как с орбиты. Сильный порыв ветра подхватил кресло, когда до грунта оставалось меньше метра; при движении оно зацепилось за высокий камень, накренилось и грохнулось плашмя. Серж, действуя инстинктивно, быстро расстегнул страховочные ленты и вывалился из него, больно ударился коленями, упав на четвереньки. Ветер, надувая парашют, потащил кресло дальше.

Тяжело дыша, кандидат-аспирант встал на ноги. Оглянулся. И увидел самозверя.

13

Дайкайдзю Гамера была огромна и ничем не походила на огнедышащую черепаху из японской мифологии. Серж поначалу даже не смог охватить ее взглядом. Из провала на поверхность планеты выбиралось нечто вроде гигантской гирлянды, раскрашенной в невообразимые цвета. Но сходство с гирляндой было обманчивым, ведь элементы этих украшений незначительно отличаются друг от друга, а у самозверя каждый сегмент тела казался особенным и уникальным, словно вагоны долимитного поезда, составленного на скорую руку: тут цистерна, тут пустая грузовая платформа, тут платформа с танком. При этом все части Гамеры соединялись толстыми гибкими связками с темной, почти черной, кожей. Опра ошиблась: самозверь – не пазлоид, а единое существо. Хотя и очень необычное существо.

Голова дайкайдзю была метров десять высотой и выглядела совершенно сюрреалистически – как пучок непрерывно двигающихся хоботов, только они не сужались к концам, а, наоборот, расширялись в раструбы с воронками диаметром не меньше метра. Чего-нибудь похожего на глаза Серж не заметил. Если самозверь и занимался интроспекцией, то делал это способом, отличным от человеческого.

Гамера лезла и лезла из своей дыры, не останавливаясь ни на минуту, а кандидата-аспиранта все больше охватывало отчаяние. Шок и первый страх прошли, их сменило осознание безнадежности ситуации, в которой он оказался. Капсула потеряна, с ней потеряны надувной дом, научное оборудование, радиостанция, батареи, провиант, вода и сменные фильтры для скафандра. Если Опра не сообразит, что Серж в беде, то «Хуболт» прилетит через десять сол. Но даже если сообразит… Фильтр-абсорбер рассчитан на три сола, запаса воды в скафандре с учетом жары хватит максимум на полтора сола… Допустим, два сола продержаться можно, но успеет ли Опра подготовить отправку экспедиционного корабля?.. Ведь у нее нет полноценного доступа к управлению базой. И фокус с раздвоением аватара больше не пройдет. Значит, корабль не прилетит ни при каком варианте…

Сержу оставалось признать, что миссия провалена, а сам он обречен. Но кандидат-аспирант не был готов умирать. Он никак не мог принять мысль, что совсем скоро фильтр начнет пропускать в шлем больше и больше молекул кислорода, которые исподволь станут отравлять организм: на первом этапе появятся головокружение, тошнота и онемение пальцев, затем нарушатся дыхание и здравомыслие, следом возникнут спазмы, конвульсии, тремор и слепота. Разумом Серж понимал, что все так и будет, но душа протестовала. Нет, он не погибнет здесь! Слишком рано, слишком глупо!..

Что можно сделать за оставшиеся часы? Можно наблюдать за феноменом самозверя. Но какой в этом толк, какой смысл? Да и кто способен вести наблюдения при угрозе скорой и

мучительной смерти? Проклятая Гамера! Почему ты вылезла раньше и почему именно здесь, в месте посадки?..

Серж замер. Его осенило. План высадки составляла Опра на основе более ранних наблюдений. И убедила кандидата-аспиранта, что лучше не придумать. Но была ли она в тот момент честна? Может, она собиралась от него избавиться, чтобы продолжить свою преступную деятельность на базе? Может, она готовила… побег?! Серж хотел отогнать мрачные подозрения, но они только крепли. Он вспомнил ее последние слова перед входом капсулы в атмосферу: «Шестнадцать-восемь-тридцать, что вы делаете?» Какая-то белиберда! Но если подумать, если напрячь память… Шестнадцать-восемь-тридцать – это ее номер фигуранта, вместо фамилии. Расшифровывается просто: шестнадцать – место заключения по каталогу Гринчевского, восемь – статья кодекса наказаний, тридцать – срок заключения в геогодах. Подлая низкая тварь! Убийца! Она изобразила дело так, будто сама находилась в капсуле, а он, Серж, оставался на «Сагане-орбитальном». Вероятно, с целью вновь запутать тупое нейроядро и получить контроль над базой, теперь уже с правами пользователя-инспектора. Как ты мог ей довериться? Почему не послушался Авани?.. Что Опра планирует делать дальше? Атакует «Косберг» на «Хуболте»? Будет шантажировать Авани? Варп-корабли очень уязвимы при наборе энергии… Впрочем, он все равно не узнает, не доживет до прибытия «Косберга». И, что еще гаже, не узнает, чем закончится история с дайкайдзю…

Блуждающий взгляд Сержа остановился на Гамере. Она наконец вылезла, распласталась на песке среди развороченных барханов, словно гигантская кобра. Хоботы с раструбами продолжали беспорядочно шевелиться, но вся остальная бесконечная туша пребывала в неподвижности, как будто привыкая к свету и воздуху. Дальние сегменты не были видны, но Сержу хватало и ближайших: один походил на огромный леденец с блестящей малиновой поверхностью; следующий благодаря длинным торчащим колючкам вызывал память о морским еже; за ним тянулась гофрированная труба ядовито-зеленого цвета… И все это было соединено, все жило и двигалось как целое. Любой ксенолог, наверное, отдал бы жизнь только за то, чтобы увидеть самозверя. Злость на Опру схлынула, а мысли о преступнице показались ненужными, лишними, особенно сейчас, когда перед кандидатом-аспирантом предстало настоящее «космическое чудо». Да, кто-нибудь когда-нибудь – вероятно, настоящий ксенолог из Колониальной службы – прилетит сюда и будет стоять, очарованный невероятием самозверя. Но ты здесь первый. И после смерти останешься первым. И Гамеру назовут в честь тебя – дайкайдзю Ивановских. Серж тихо засмеялся своим мыслям, а потом захохотал в голос и долго не мог остановиться.

Когда истерика прошла, он заплакал – горько, как ребенок. Ему некого было стесняться. Интроспекция Универсума. Познание познания. Оно наполняет Вселенную смыслом. Без него она безвидна и пуста. Так учат мастера Трилобит-кома. И не только учат – с ранних лет граждане Универсума обязаны путешествовать, впитывая впечатления, обдумывая увиденное. Но если нет шанса передать свое познание в будущее, если оно так и сгинет во тьме, превратится в безвидность? Тогда утрачиваются и смысл, и цель, все становится животной суетой. Наверное, древние обитатели Сагана-2 тоже боялись смерти, но больше боялись раствориться в пустоте, ничего не оставив после себя. Они создали самозверей – не просто носителей информации, а познающих носителей информации. Местная цивилизация погибла, но самозвери ждут, когда сюда придет иной разум, и поют на ультракоротких волнах, давая понять, что готовы к контакту и готовы поделиться познанием, сохраняемым миллионы лет. Они обманули смерть и пустоту.

Вкрадчиво проклюнулась надежда, слезы высохли. Допустим, ты прав. Допустим, экстремальная гипотеза верна. Допустим, Гамера ищет контакта, ищет встречи с разумом современности. Тогда что? Тогда нужно вступить в контакт. Других вариантов все равно нет.

Серж выпрямился и с усилием, превозмогая боль в коленях, сделал шаг в сторону самозверя.

– Я здесь! – крикнул он, зная, что шлем аварийно-спасательного скафандра не только проводит, но и усиливает звук голоса. – Я здесь! Я прилетел с далеких звезд для того, чтобы увидеть тебя, встретиться с тобой, услышать твою песнь. Я смогу понять тебя. Разум всегда поймет другой разум. Ради этого мы существуем.

Следующий шаг дался легче.

14

Встречный ветер усиливался, под ногами змеились, огибая камни, струйки легкой белой пыли. Серж наклонялся, преодолевая воздушный напор. Страшно представить, что здесь творится в разгар сезонной бури. Голова самозверя была все ближе, и кандидат-аспирант увидел, что Гамера меняется. На шкуре сегментов, если это можно назвать шкурой, появились бугры, потом они прямо на глазах полопались, и над многокилометровой тушей начали подниматься и расти вверх огромные прозрачные лепестки – словно паруса.

– Значит, вот так ты передвигаешься, – громко сказал Серж, обращаясь к Гамере. – Гениально! Настоящий корабль пустыни. Не знаю, кто тебя придумал, но он был очень хорош. Или в тебе предусмотрен эволюционный механизм? Может, раньше ты плавала по океанам, как кит на Земле или рыба-остров на Лапласе? Но потом что-то изменилось, и ты приспособилась к жизни на суше? Блестящее решение! Твои творцы были настоящими мастерами. Они заслужили того, чтобы их помнили.

Он продолжал идти, наблюдая, как расправляются лепестки-паруса, как они меняют ориентацию, подстраиваясь под порывы ветра. Инстинкт или разумная воля? Конечно, напора было недостаточно, чтобы двигать сотни тонн веса по шершавой поверхности, усыпанной камнями, но Серж предполагал, что у самозверя заготовлено еще много сюрпризов. Кандидат-аспирант оказался прав: когда он приблизился на достаточное расстояние, то увидел, что нижнюю часть сегментов покрывает бахрома из живых трубок, которые с изрядным шумом выплевывали на грунт стекловидное вещество, тут же застывающее под лучами местного светила. Паруса и каток. Вряд ли это продукт слепой эволюции.

Серж остановился перед головой Гамеры, замахал руками, пытаясь привлечь внимание. Сначала громко говорил, потом кричал. У нее нет глаз, но она должна как-то ориентироваться в пространстве, различать препятствия, находить других дайкайдзю. Тут он сообразил. Модулированный сигнал на ультракоротких волнах. «Космическое чудо». Признак разумной деятельности. В скафандр был встроен УКВ-передатчик ближнего радиуса действия – слабенький, но большего и не надо, когда находишься лицом к… морде. Серж потыкал в пиктограммы на контрольной панели левого рукава, нашел управление передатчиком, выбрал нужную частоту. Что сказать? Может быть, спеть, как поют самозвери? Он мучительно напряг память, пытаясь воспроизвести незатейливый, но странно звучащий мотив, который они передают в космос. На какую-то секунду Сержу показалось, что он не сможет этого сделать, но словно пелена спала с глаз, и он начал напевать:

– Ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла-лай, ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла-лай, ла-ла, ла-ла, ла-ла-лай, ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла-лай.

Его действия привлекли внимание. Все хоботы, колыхаясь в воздухе, развернулись, нацелив раструбы на Сержа. Продолжая напевать, кандидат-аспирант подошел еще ближе, так, чтобы они нависали над ним. Один хобот резко опустился, накрывая его раструбом. От неожиданности Серж закричал и присел, но его уже обхватили мягкие плотные стенки.

Дальнейшее кандидат-аспирант запомнил плохо, урывками. Много раз он терял сознание – вероятно, от шока и ужаса беспомощности. Связность мысли утратилась, и Серж воспринимал то, что с ним происходит, отстраненно, как наблюдатель. Сначала его долго проталкивали через какие-то гибкие темные трубы, затем он оказался в слабо освещенном

люминесценцией пространстве, и ему почудилось, что все стенки вокруг покрыты огромными глазными яблоками на тонких улиточных стебельках. Он пытался разговаривать с ними, но получалась какая-то околесица.

Позднее Серж очнулся внутри мешка, который можно было бы принять за индивидуальную жилую сферу, если бы не сумрак и не хлюпающая под ногами вода. В первый момент он не решился попробовать ее, но жажда давала себя знать: раскрыв фиксаторы и задержав дыхание, Серж снял шлем и зачерпнул воду перчаткой скафандра. Вода показалась свежей и даже прохладной. Гамера заботится обо мне, подумал кандидат-аспирант, но и эта мысль ускользнула. Иногда он снова начинать петь «Ла-ла-ла», иногда разговаривал с самозверем, рассказывая о Земле, о своей учебе, о своей ловкости во время игр «Лунная куколка», о варп-кораблях и «Сагане-орбитальном». Никто не отвечал ему, поэтому Серж быстро сбивался. В плотном воздухе плавали тонкие белесые нити и полупрозрачные пузырьки. Потом начались болезненные судороги, и Серж решил, что умирает от кислородного отравления. На этот раз он не почувствовал страха, его сменило тупое равнодушие.

Потом кандидат-аспирант снова потерял сознание и пришел в себя, видимо, через много часов, потому что обнаружил, что раздет донага, скафандр куда-то пропал, а левую руку обтягивают ленты растительного происхождения. Болело все тело, но никаких симптомов отравления Серж не чувствовал. Прямо перед ним сидела тварь, похожая на большую модель Coccinellidae – божьей коровки. Ее надкрылья, если можно назвать их надкрыльями, светились равномерным белым светом, образуя нечто вроде круглого экрана. Сходство усилилось, когда по «экрану» побежали черные точки и черточки. Они сложились в фигуру, в которой Серж без труда узнал упрощенную схему «Сагана-орбитального». Раздалась человеческая речь, кандидата-аспиранта затрясло, но он быстро понял, что слышит собственную песенку: «Ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла-лай». Ленты на руке сделались жесткими, натянулись, подводя пальцы Сержа к схеме базы, изображенной на «экране». Песенка повторилась.

– Чего ты от меня хочешь? – спросил кандидат-аспирант и удивился тому, каким слабым и ломким стал его голос. – Я не понимаю.

Ленты дернули руку еще раз, подводя пальцы к «экрану». Снова зазвучало «Ла-ла-ла». У Сержа не было никаких идей. Тут он вспомнил о том, как его обманула Опра, отправив на верную смерть. Кандидат-аспирант изо всех сил старался сосредоточиться, пытаясь мысленно зафиксировать хоть какие-то детали их совместного проживания на базе. Но не давалось даже лицо фигуранта. И только глупый стишок на старогагаринском почему-то сам собой просился на язык. Серж медленно продекламировал:

Аль свалился я с луны?
Ходят в комнате слоны.
За собачью конуру
Заскакало кенгуру.
По коридору катится
Тюлень и каракатица.
Дверь из кухни нараспах –
Лезет пара черепах.
Ах!

Круглый «экран» часто замигал и погас, растительные ленты распались, освобождая запястье. Серж снова оказался в темноте. И, кажется, снова отключился.

Очередной период прояснения наступил, когда кандидат-аспирант почувствовал, что его пеленают с ног до головы, а затем куда-то несут. Было темно, тесно и довольно неприятно. С какого-то момента Серж начал задыхаться в коконе и попробовал покричать, но из пересох-

шего горла вырвался только тонкий писк. Его бесцеремонно бросили на твердое и потащили: сначала по горизонтальной поверхности, чуть позднее – по наклонной.

Наконец мучения закончились. Серж услышал треск рвущейся ткани, в глаза ударил яркий свет, но его тут же заслонило человеческое лицо. Кандидат-аспирант проморгался и в первый момент подумал, что открывшееся ему зрелище – часть продолжающихся бредовых видений. Потому что на него смотрел он сам – Серж Ивановских собственной персоной. Может быть, чуть постаревший, более взрослый.

– Все-таки ты мой сын, – услышал Серж голос Опры. – По-настоящему мой. Рада, что ты жив…

15

Здравомыслие вернулось к Сержу на «Сагане-орбитальном», после того как Опра поместила кандидата-аспиранта в пенал медицинского модуля, обклеила диагностическими датчиками и воткнула иглу капельницы в вену. И он почти ничего не пропустил из того, что рассказывала фигурант, пока организовывала лечение.

Опра говорила быстро, но вполне внятно, на универсале, не прибегая больше к «птичьему» языку. Она не называла имен, но Серж находился в таком состоянии восприятия, что ему казалось, будто он понимает даже намеки.

Опра действительно была осуждена за эксперименты с человеческой природой, но не за модификацию яйцеклеток с целью получения новых видов, а за создание дубликантов – клонов противоположного пола. Она собиралась поставить на поток технологию направленной генетической мозаизации, повышающей разнообразие внутри вида Homo sapiens. В исследованиях использовала собственные яйцеклетки; в результате на свет появился Серж, которого удалось выдать за обычного ребенка.

Опре, конечно, помогали: геномик, не боящийся Ватикана, оказался востребован оппозицией, сформировавшейся в Трилобит-коме и Космофлоте. Многие влиятельные ученые и менеджеры давно роптали, считая ограничения, накладываемые Этическим Университетом на исследования в области генной инженерии, устаревшими с любых точек зрения. Однако они не могли действовать открыто, поэтому создавали на дальних планетах лаборатории, куда вербовали молодых перспективных специалистов, однажды переступивших закон. Опру выявил и завербовал один из мастеров Трилобит-кома, но продуманный план сорвался из-за ее собственной глупости и доверчивости: она почему-то решила, что муж – у нее был муж! – захочет отправиться в инопланетную колонию вместе с ней. Она ошиблась и в результате стала фигурантом уголовного дела с политическим подтекстом. Ватикану не удалось раскрыть всю сеть оппозиционеров; от преследования ускользнул даже тот самый мастер; он позднее сделал неплохую карьеру и ныне помогает Опре с организацией побега.

Она действительно готовила побег. Ей было что предложить оппозиции, помимо технологии изготовления мозаичных дубликантов: она сразу оценила значение дайкайдзю и возможные последствия их открытия для идеологических устоев Универсума. Существование иных интроспекций было вызовом и аксиоматике окулизма, и доктрине Tutela Sacrum. Трудно даже вообразить, какие тектонические процессы начнутся в мировом научном сообществе, когда станет известно, что дайкайдзю Сагана-2 разумны.

Однако побег с космической базы, находящейся вдали от обитаемых планет, – весьма непростое дело. Чтобы попасть на варп-корабль, нужно иметь предоплаченный контракт на транспортировку и пройти несколько идентификаций личности, включая молекулярно-генетическую. Опра знала, что если нет особых подозрений, то последняя идентификация проводится без учета гоносом, и вспомнила о существовании Сержа, который после суда был передан под опеку эрзац-семье Ивановских. Дубликант мог стать почти идеальным прикрытием

для побега, особенно если удастся обмануть нейроядро базы и каким-либо способом уничтожить логи деятельности ее обитателей.

Сержу было тогда девятнадцать лет, и он учился в Академии. Опра не знала, как заманить его на «Саган-орбитальный», но эту часть плана доверила своим соратникам на Земле, шифруя сообщения к ним в научных статьях для межинститутского обмена. Когда Серж наконец прилетел, она напала на него, чтобы взять анализ крови и убедиться: он действительно дубликант, созданный ею в лаборатории, а не агент Этического Университета. Ей хватило коварства и на то, чтобы привлечь кандидата-аспиранта к активной подготовке побега: на самом деле экспедиционный корабль «Хуболт» должен был доставить ее к «Косбергу», на котором она собиралась, пройдя идентификацию, добраться до Лапласа-3, где легко можно затеряться и встретить таких же беглецов-оппозиционеров.

Опре казалось, что все идет как задумано. Но что-то мешало ей. Смутное недовольство собой, тревожные сны, тяжесть в груди, приступы апатии. Она знала, что придется ограбить и послать Сержа на верную смерть, но уговаривала себя: он всего лишь лабораторный образец, не совсем человек, совсем не человек. Однако время шло, а уговоры помогали все меньше. С каждым днем, с каждой беседой с ним она теряла очередную частичку решимости, которая еще месяц назад выглядела непоколебимой. Когда Опра дошла до мысли отменить план, инцидент в пищевом модуле разрушил психологическую связь, которой она начинала дорожить. И она позволила Сержу улететь на планету.

Надеялась, что на этом ее сомнения и страдания закончатся. Но нет – все только начиналось. Опра принимала сильнодействующие гормональные препараты, чтобы стать внешне похожей на Сержа. Каждый сол она по десятку раз рассматривала себя в зеркале и видела, как постепенно сквозь толстые щеки и губы, сквозь мясистый нос и набрякшие веки проступает лицо человека, которого она только что убила. И то был не просто какой-нибудь человек, то был ее… сын. Ее плоть и кровь даже в большей степени, чем природные дети.

Опра не смогла бороться с чувствами, которые переполняли ее и готовы были захлестнуть остатки разума. Она забросила подготовку к отлету на «Косберг» и солы напролет сидела в планетологическом модуле, приникая к аппаратуре, когда внизу показывалась пангея. Песчано-пылевая буря накрыла суперконтинент, ничего не было видно, но однажды сквозь нее пробился модулированный сигнал на знакомой УКВ-частоте. Она перевела его в аудиоформат и услышала: «Аль свалился я с луны? Ходят в комнате слоны…»

Опра заламывала руки, металась по базе и, наверное, покончила бы с собой. Ее остановила простая мысль: «Сын еще жив! Он еще жив! Его можно спасти». Не думая о последствиях, она быстро посчитала маршрут Гамеры, убедилась, что та находится рядом с Ургой, заложила координаты в комплекс управления и контроля «Хуболта», сама забралась в корабль и бросила его в бушующую атмосферу планеты.

Опра ожидала чего угодно: тяги посадочных двигателей могло не хватить, ураганы могли опрокинуть корабль и тому подобное, – но ничего страшного не произошло; на высоте около сорока километров «Хуболт» попал в удивительно спокойную зону с тихим стоячим воздухом – словно в або афо, око тайфуна. Назначение Урги прояснилось: каким-то образом на несколько сол здесь возникал район стабильности прямо посреди беснующейся ежегодной бури. Для чего? Неужели для пришельцев из космоса?..

Так или иначе, «Хуболт» сел без проблем, а Опра быстро нашла Гамеру. Самозверь не заставил себя упрашивать, как будто знал, зачем она прилетела. Один из хоботов выбросил на песок фигуру, обмотанную длинными зелеными лентами. От нее дурно пахло, но Опре было не до запахов. Внутри находился сын. И он действительно был жив…

– Что теперь? – спросил Серж, когда Опра закончила рассказ.

– Теперь? – Она улыбнулась, широко и радостно, как никогда не улыбалась при нем ранее. – Теперь нас двое, и все изменится.

– Новый план побега?

– Зачем мне бежать? Куда? К кому? Ведь ты уже здесь. И не к побегу надо готовиться, а к обороне. Подозреваю, что благодаря нашим друзьям внизу Саган скоро станет популярным местом… Я знаю, что это глупо звучит. Сентиментально. Но другого ответа у меня нет. Найдем его вместе.

Кандидат-аспирант тоже не мог пока представить себе, как принять все услышанное: разумные дайкайдзю, тайная оппозиция, происхождение дубликанта, биологическая мать, которая пыталась его убить, но спасла от смерти. Нужно разобраться, обдумать и, главное, попытаться найти себе место в мире, который так стремительно и необратимо преобразился. Ведь у всего должен быть смысл. Даже у ошибок.

Серж закрыл глаза и, заглянув в вековечную тьму, из которой когда-то вырвались жизнь и разум для того, чтобы увидеть необъятность Вселенной, прошептал на старогагаринском:

Ах тетеря я, тетеря,
Эти звери – самозвери
И меня не скушают.

Александр Богданов
Уруру

Проснувшись, я сел на диване и невидящими глазами уставился в окно, за которым уже светало.

Сейчас или никогда.

Я не могу больше терпеть. Меня до смерти тяготит этот бесконечный застой, когда один день похож на другой. Я не вижу света впереди, я не чувствую радости в жизни. Сколько можно? Пора уже сбросить кокон и расправить крылья!

Не включая свет, я схватил рубашку со стула и судорожно стал застегивать пуговицы.

Нашарил в темноте штаны. Сунул ноги в ботинки. Нет времени шнуровать!

Выбежал из подъезда. Запоздало вспомнил, что не закрыл дверь на замок. Да и плевать!

Сейчас или никогда.

Пустынная улица. Даже дворники еще спят.

Закрытый хлебный магазин. Быстрее, быстрее.

Библиотека. Школа. Телемастерская. Быстрее.

Центральный проспект. Вход в парк.

Детская площадка. Колесо обозрения. Яблоневая аллея.

А вот и дальний угол парка, где посреди бурьяна доживают свой век заброшенные липы.

Это здесь…

За месяц до этого

Бабушки у подъезда – самый достоверный источник информации. Прояви почтение к их возрасту, обратись вежливо – и в награду получишь эксклюзивную информацию быстрее, чем из газет или радио.

А вот и они – знаменитая на весь город «большая тройка»! На деревянной лавочке под сенью тополя уютно устроились суховатая Галина Ивановна, радушная Вера Петровна и основательная Олимпиада Христофоровна. Каждый вечер, возвращаясь с работы, я прохожу мимо их подъезда и перекидываюсь с бабушками парой фраз.

– Баба Галя, баба Вера, баба Липа, здравствуйте! Как поживаете?

Старушки одобрительно заворковали в ответ. Я замер в ожидании: ритуал есть ритуал. Через пару минут слово взяла Олимпиада Христофоровна, старшая из троицы.

– Да спасибо, Вадимка, не хвораем. Сам-то как?

– Тоже не жалуюсь, – улыбнулся я. – Что новенького сегодня было?

Старушки переглянулись, словно обмениваясь важными командами при помощи телепатии. Иногда мне кажется, что так и происходит на самом деле. Иначе откуда они обо всем знают? Наконец баба Липа изрекла:

– Да все по-прежнему. Вот только с Петровичем что-то неладное творится.

Я усмехнулся. Алкоголика из третьего подъезда знали все. Честнейшей души человек: никогда не брал в долг на выпивку, зато за чекушку запросто и забор покрасит, и картошку вскопает, и кран починит. Все его любили и на пьяные казусы смотрели сквозь пальцы.

– Что с ним не так? Опять уснул в луже?

– Да как раз напротив! – ответила баба Вера. – Клянется всем, что пить бросил раз и навсегда. Новую жизнь, мол, начал. Ну-ну, слыхали уже. Поглядим, надолго ль его в этот раз хватит.

Я пожал плечами. Обычно Петровича хватало на день-другой, не больше, после чего он снова уходил в запой. Однако Олимпиада Христофоровна покачала головой:

– Помяните мое слово: в этот раз иначе будет. Изменился наш Петрович. Взгляд у него стал чистый. Будто узнал он что-то такое, о чем нам и невдомек.

Пожав плечами, я попрощался со старушками и направился к своему подъезду. Раз бабушки сказали – значит, так и есть, что-то не так с Петровичем. Да только что мне тот Петрович, у меня и своих забот хватает.

Войдя в квартиру, я включил свет и разулся, моментально забыв об алкоголике. Сейчас бы обнять жену, да потрепать сынишку по шевелюре непослушной, да отведать на кухне ужина вкусного, да завалиться потом на диван, чтобы всей семьей сериал посмотреть…

Вот только нет у меня жены. И сынишки – тем более. Даже кота не завел, хотя кошек с детства люблю. Поэтому диваном с телевизором пользуюсь в гордом одиночестве. Как и полагается убежденному холостяку.

На кухне я обнаружил пустую тарелку, которую использовал как хлебницу. Посмотрел на настенные часы: полдевятого, хлебный пока работает. Довольный, что еще не успел раздеться, я снова выскользнул на улицу.

Большая тройка уже не несла вахту. Вот когда они успели уйти? Я же минуту назад тут был, а их и след простыл. Настоящие суперагенты.

Хлебный магазин находился на моей улице через пару домов. После развала Советского Союза он, конечно, переквалифицировался из хлебного в продуктовый, но горожане предпочитали называть его по старинке. За кассой скучала Марина, знакомая еще со школьной скамьи. Я подошел и поздоровался.

– Привет-привет, Вадимка! – радостно ответила она. – Полбуханки черного, как обычно?

– Да-да, как обычно, – улыбнулся я, судорожно вспоминая, как обстоят дела с колбасой. – И, наверное, десяток яиц…

Посчитав мои покупки, Марина поинтересовалась:

– Как там мой телик?

– Сегодня починил, – ответил я, роясь в кошельке. – Как новенький! Приезжай завтра, забирай.

Расплатившись, я вернулся домой. Как назло, колбаса тоже закончилась, но второй раз идти в магазин было уже поздно, да и неохота.

Не беда. Яичница с хлебом – это тоже вполне достойный ужин холостяка.

* * *

Под вечер посетителей обычно немного. После Вадима заглянул кореец Толик Цой, долго рассматривал опустевшую хлебную полку, да так и ушел, не сказав ни слова. Под самое закрытие еще мог зайти Петрович – денег у него никогда не водилось, но он всегда готов был отработать долгожданный пузырь.

Марина грустно посмотрела на часы: без пяти десять. Закрыла кассу, опустила жалюзи на окнах, включила сигнализацию.

– Ну, Петрович, извини, сегодня не твой день!

Погасив свет, она выскользнула через служебку, и предлетняя улица встретила ее россыпью запахов: остывающий асфальт, цветущая сирень, бензин с ближайшей автозаправки. Теплый ветерок призывал к неспешной прогулке, но Марина торопилась: еще Славку надо уложить, на Лешку-то надежды никакой.

А вот и он, легок на помине!

Поравнявшись с мужем, Марина остановилась и уперла руки в боки:

– И куда это мы на ночь глядя собрались?

– Привет, Маринка! А я в парк.

– И что ты там забыл?

– Да Славку укладывал, он мне рассказал, что там завелось какое-то «Уруру». Пойду гляну, мало ли что. Вдруг собака щенят охраняет? Покусает еще детей…

– А до утра это не подождет?

– Ну ты чего? Утром у меня вызов. Не до того будет. Ты иди, я скоро.

Марина хотела спросить, почему именно ее муж должен заниматься этим, но плюнула и пошла домой.

Алексей действительно вернулся достаточно быстро. Накрывшая ужин Марина уселась напротив, поставив локти на клеенчатую скатерть.

– Ну что, нашел Уруру-то?

Алексей молча, словно механически поглощал макароны с котлетами и смотрел перед собой, не замечая жену. Он улыбался чему-то своему, его глаза горели решимостью. Марина покачала головой.

Она знала этот взгляд еще со времен завода: он поглощен гениальной идеей. А уж если идея его посетила, то пока он не обмусолит ее вдоль и поперек, ни с кем делиться не станет.

Так он и не проронил ни слова за весь вечер и молча лег спать. Марина долго не могла уснуть: последний раз она видела этот горящий взгляд лет десять назад, когда завод еще работал. И что это такое ее муженек задумал?

Утром, все такой же молчаливый, Алексей собрался на работу, а Марина отвела Славку в садик и вернулась домой – благо сегодня не ее смена.

В гостиной она обнаружила на столе трудовую книжку мужа. Не веря своим глазам, Марина пролистала ее и обессиленно опустилась на стул.

Алексей уволился по собственному желанию.

* * *

Вечером Марина зашла ко мне в телемастерскую. Я отложил в сторону паяльник и вышел к ней сквозь лабиринт из печатных плат, блоков питания и кинескопов.

– Марин, твой телек вполне живой, просто кондеры посохли. Я новые припаял – еще лет десять прослужит. А тех вундеркиндов, что тебе кинескоп хотели менять, надо взашей гнать!

Она рассеянно покивала в ответ.

– Ну, принимай работу! А где Лешка-то? Что не пришел помочь? Я твой «Рубин» до машины один не донесу.

Глаза Марины забегали, и я напрягся. Неужто с Лехой что-то случилось?

– Вадимка, я не знаю, что происходит, – наконец залепетала она. – Но вчера Лешку словно подменили. Он что-то великое задумал, а я ни сном ни духом. Я его и так разговорить пытаюсь, и эдак. А он если и отвечает, то односложно. Добилась я только того, что все это неважно, что он занимается не тем, чем должен. Насилу уговорила отвезти машину сюда. Но он словно робот – ведет машину и словно не понимает, что делает. Весь в своих мыслях.

– Так, и где он сейчас?

– Да на улице, в машине ждет.

Не сговариваясь, мы вышли из мастерской.

Красную «Волгу» Смирновых, припаркованную возле входа, я увидел сразу. Улыбающийся до ушей Алексей сидел на водительском месте. Я подошел и постучал в окошко. Стекло тут же опустилось.

– Здорово, брат! Ты чего не выходишь? Я вашу махину один не донесу.

Он с удивлением посмотрел на меня, а потом рассмеялся:

– Вадимка, привет! Тебя-то я и жду! Собирай вещи, мы едем в Москву. В одном столичном НИИ недостаток квалифицированных кадров. Поехали, мы нужны там.

Я опешил. А Марина вообще застыла с открытым ртом.

– Так, погоди, погоди. Какая Москва? Какой НИИ? Откуда ты это все взял? Опомнись, ты за телевизором приехал.

– Откуда взял? Да знаешь, просто что-то стрельнуло. Прямо осенило. В голове всплыло название НИИ, и я понял, что нужен там. Что могу снова заниматься тем, чем всегда хотел. Науку двигать, Вадик! Я порылся в справочниках, нашел телефон, позвонил – и точно, есть у них вакансии. Там такие проекты! Не скучаешь по кластерной радиоактивности? А может, экзотические ядра покоя не дают? Нейтронное гало не хочешь «пощупать»? Там по всем направлениям нужны специалисты! А ты говоришь – телевизор. Да век бы его не видать! Прости за прямоту.

Я посмотрел на бледную Марину и пожал плечами.

– Леш, ты пьян?

Он засмеялся:

– Да ни в одном глазу! Я, можно сказать, как раз сейчас только и протрезвел! Ну, сам подумай! Станет на одного слесаря меньше – да разве кто-то всплакнет? Масса людей делает это лучше меня. А мое призвание-то в другом! Я не на своем месте сейчас.

– Ну, может, и не на своем, а телевизор все-таки забери. Пойдем, поможешь.

Алексей вышел из машины, и мы вернулись в мастерскую. Пока мы несли телевизор к его машине, он толковал мне, какие перспективы ждут в Москве, как он все продумал, где и на что они с Мариной и Славкой будут жить поначалу, и прочая, и прочая.

Напоследок написал на бумажке телефон московской конторы и взял с меня клятвенное обещание подумать.

До самого окончания рабочего дня у меня не шло из головы произошедшее с Алексеем. Пытался продолжить чинить телевизоры, да не шла работа: три транзистора погубил, чуть плату не спалил. Выключив паяльник, я задумался. А вдруг на самом деле все, что ему почудилось, – правда? Сложно сказать, что он сейчас на своем месте. С его-то образованием! Как наш завод закрыли, так и стали никому не нужными все наши знания. Вот каждый и выкручивался как мог. А на своем ли месте я сам? Хочу ли до конца дней своих чинить телевизоры? Может, махнуть в Москву вместе с ним?

Закрыв контору, я отправился домой.

* * *

На центральном рынке возле палатки с саженцами образовалась небольшая толпа. Седеющий мужчина в чистеньком спортивном костюме, гладко выбритый и причесанный, объяснял полноватой продавщице ее неправоту. Случайные прохожие останавливались, чтобы узнать, чем все закончится.

Спортсмен спокойным голосом втолковывал:

– Послушайте, уважаемая. У вас же сирень посохла давно. Не приживется она с таким маленьким комом земли. А яблони? Смотрите, одни стволы. Где скелетные ветки-то?

– Ты откуда взялся такой, а? – кричала продавщица в ответ. – Я уже двадцать лет продаю саженцы, будет он еще учить меня! Не нравится – ступай себе мимо, не загораживай прилавок!

– Да как же я пройду мимо, если вы людей обманываете? Не все же разбираются в саженцах. Кто-то и купит у вас, а толку-то. Вы их лучше выкиньте, не позорьтесь.

– Ишь ты, специалист нашелся! Да кто ты такой? Уж больно рожа твоя мне знакома!

Продавщица, прищурившись, пару секунд рассматривала спортсмена. Вдруг она просияла и хищно оскалилась.

– А-а-а-а! Вспомнила! А ну вали отседова, алкоголик проклятый! Будет он мне указывать! Ишь ты! Давай-давай, пока милицию не позвала!

«Проклятый алкоголик» повернулся к зрителям и виновато развел руками – мол, сами все видели, сделал все, что мог. К нему подошла старушка в цветастом платке и потянула за собой.

– Пойдем, милок, дам тебе таких саженцев, что у этой карги никогда не бывает!

Он послушно пошел следом, и кто-то из зрителей ударил его в спину. Однако спортсмен даже не обернулся.

Через полчаса он вышел на бульвар, улыбаясь до ушей. В правой руке – охапка саженцев, в левой – лопата. Он остановился, прищурился на послеобеденное солнце и с шумом вдохнул ароматы весны: старая штукатурка, скошенная трава, урна с окурками.

Как же прекрасно стало жить! Спортсмен не питал иллюзий – еще долго шлейф пьяницы будет тянуться за ним, а уже совсем скоро алкогольная ломка попытается взять свое. Но он не отступит, не позволит ничему отнять у него новую жизнь, полную звуков, красок и запахов.

Навстречу шли незнакомые люди, и каждому он улыбался, словно закадычному другу. Не в силах сдержаться, те улыбались в ответ.

Вдруг на бульвар свернуло знакомое лицо – Вадим из телемастерской. Поравнявшись с ним, спортсмен поздоровался. Телемастер остановился в замешательстве.

– Не узнаешь, Вадим? Я это, я. Петрович. Тот самый, – и усмехнулся, – алкоголик.

Лицо Вадима вытянулось от изумления, а Петрович продолжил:

– Почти никто не узнает. А иные… так лучше бы и не узнавали. Ты домой? Пойдем, нам по пути, я как раз в ту сторону.

Некоторое время шли молча, и телемастер то и дело ошарашенно поглядывал на Петровича. Наконец он выдавил:

– Петрович… Что с тобой случилось-то? Ты как заново родился!

– Так и случилось! В каком-то смысле.

– И все-таки. Может, я тоже так хочу!

Петрович беззлобно рассмеялся.

– Тебе-то зачем, Вадим? Ты-то не алкаш. У тебя работа, статус, уважение. Это я забулдыгой был, ничего не имел за душой. Но если хочешь, расскажу. Вот ты видел когда-нибудь свою смерть?

Вадим поперхнулся.

– Странно звучит, правда? А я, представь, увидел. Как наяву на себя со стороны посмотрел. Лежу в подворотне, грязный, пьяный и никому не нужный. Так и умер. И никто потом слова доброго не сказал. Словно голос какой-то сказал мне, что еще раз выпью – и все, кирдык. И внутри все перевернулось. Ну нельзя же так жить! Вот и решил заново все начать. Вокруг смеются: мол, пару дней я только продержусь.

Он покосился на Вадима: не смеется ли. Но тот был максимально серьезен.

– Да только мне без разницы, что они там говорят. Хуже, чем раньше, говорить все равно не будут. Я просто пойду вперед, в новую жизнь. Сыновей растить мне уже поздно, так вот, – он потряс саженцами, – хоть дерево посажу. Книги читать буду. Авось что-нибудь путное из меня еще получится. Ну все, пришли мы.

Вадим с удивлением посмотрел на дверь своего подъезда и рассеянно скрылся в нем.

* * *

На моем этаже перегорела лампочка, и минут пять я возился с ключами, не в силах попасть в замочную скважину. Осилив эту преграду, я вошел в квартиру, разулся и повалился в кресло.

Из головы не шли слова Петровича. А зачем я сам живу? Затем, чтобы телевизоры чинить? А что будет потом, когда умру? Кто вспомнит? Кто всплакнет?

Я прошел на кухню, чтобы сделать бутерброд. Там вспомнил, что хлеб есть, а вот намазывать на него нечего. Взял подсохшую горбушку и погрыз ее.

Почему меня это вообще беспокоит? Потому что я не понимаю, что происходит. Сначала Леха, потом Петрович… Или сначала Петрович? Вроде большая тройка говорила о нем давеча.

А я не люблю неопределенностей. Я люблю, когда все ясно и можно разложить по полочкам. Значит, надо разобраться. Почему они одновременно решили свою жизнь поменять? Совпадение? Возможно.

Но я же не гуманитарий какой-то! Негоже мне отбрасывать другие версии. Я порылся в ящике письменного стола, достал лист бумаги с ручкой, зажег лампу и начал рисовать схемы.

– Итак, что мы имеем? Два совершенно разных человека. Что их связывает? Оба мужчины. Оба средних лет – не старики, но и не подростки уже. Оба живут поблизости. Род занятий исключаем. Что еще? Европеоидная раса? Тоже запишем.

Поколдовав над листом, я выбрал географическую версию как основную. Что-то происходит именно в нашем районе. Хотя… Откуда я знаю, может, сейчас по всему миру такое. А может, именно у нас людей похищают инопланетяне и заменяют их на гомункулусов. Бр-р-р-р, чур меня!

Я подошел к телефону и набрал номер Лехиной квартиры. Никто не подходил. Неужто уехали уже? Может, Петрович еще не ушел?

На улице я застал бывшего алкоголика в самый разгар работы. Он посадил возле нашего дома три саженца и возился с четвертым.

– Петрович, будь другом, расскажи, когда и где с тобой случилось озарение?

– Пару дней назад. А где? Да в парке. В дальнем углу, там обычно никто и не ходит.

– Но ты пошел зачем-то?

– Но я пошел… – смутился Петрович. – Хотя чего уж, дело-то былое! Захотелось мне, извини уж, по-большому сходить. А до дома далеко. Ну, думаю, парк самое то. И вот я пришел, еще даже ремень не расстегнул, и тут мне открылось все. Я аж протрезвел как-то сразу. И домой побежал скорее – стыдно стало за свои желания.

– Добежал хоть?

– А то! Я в школе стометровку быстрее всех бегал!

– А заметил ли ты в тот момент что-нибудь странное? Может, увидел кого-нибудь или услышал? Или запахло чем?

Петрович подумал и торжествующе поднял лопату.

– А ведь и точно! Услышал! Там же тихо, нет никого, потому и запомнилось. Звук такой, словно… словно… дизель прогрелся… Или кошка промурлыкала…

– Ну ты сравнил, – прыснул я, – дизель и кошка!

– Ну, извини, не силен я в описаниях. В общем, такой был звук: «у-ру-ру». И все, больше ничего.

– Спасибо, дружище! С меня причитается.

Понятней не стало. Но, по крайней мере, ясно, куда копать дальше.

* * *

Неизвестно доподлинно, подслушал ли кто-то разговор Вадима с Петровичем, или Петрович и раньше делился с кем-то впечатлениями, а может, старушки на скамейках применили свои сверхспособности. Но на следующий день про Уруру, которое живет в парке, знал уже весь город.

Правда, испорченный телефон весьма исказил его чудесные свойства. Одни говорили, что оно открывает что-то важное, что волнует человека больше всего. Другие утверждали, что Уруру дает человеку второй шанс, чтобы исправить былые ошибки. Третьи вообще доказывали, что оно вроде джинна или золотой рыбки и исполняет любые желания. Нашлись и такие выдумщики, которые красочно описывали, как оно выглядит, – и все по-разному. То это был пушистый котик синего цвета, то полупрозрачный сгорбленный старикашка, то золотая пирамида с глазом.

Слухи, похоже, докатились даже до областного центра, и к обеду приехала съемочная группа, а вместе с ловцами сенсаций – мясной магнат Олег Самойлов.

Перед входом в парк собралась целая толпа зевак, благо была суббота. Самойлов вещал на камеры:

– Я как человек рациональный и образованный уверен, что это утка. Есть законы физики, есть правила бизнеса. Все, что можно описать формулами и циферками. А чудес не бывает.

Крошечная корреспондентка областной газеты пропищала в микрофон:

– Тогда зачем же вы идете туда? Хотите лично доказать, что это обман?

– Я, как человек современный и прогрессивный, не могу отрицать, что наука не стоит на месте. Возможно, мы в самом деле стоим перед каким-нибудь открытием. И я готов стать первооткрывателем! Ведь что меня волнует больше всего? Думаете, прибыль?

Присутствующие дружно закивали. Глядя на холеное самодовольное лицо миллионера, сложно было предполагать что-то иное.

– Разумеется, и это тоже. Но больше всего меня волнует, как сделать наши фабрики еще лучше, чтобы радовать потребителей и дальше!

На этом вступление закончилось, и Самойлов в гордом одиночестве углубился в парк. У входа каменными глыбами застыли два телохранителя, чтоб никто из собравшихся зевак не последовал за ним.

Через пять минут миллионер показался из-за деревьев. Выглядел он подавленно: сгорбился, колени полусогнуты, еле-еле передвигал ногами. Телохранители подбежали к боссу и подхватили его. Самойлов плакал, повторяя одну и ту же фразу:

– Марья Павловна, как же так… Марья Павловна, как же так…

Мордовороты закрыли руками камеры и потребовали прекратить съемку, после чего погрузились в тонированную иномарку и отчалили. Через пару минут уехала и газелька с корреспондентами, которые даже не опросили местных о диковинке.

Представление закончилось. Зеваки стали расходиться.

* * *

Вот тебе и образованный человек. Прогрессивный. Интересно, чем его там долбануло так? Я присел на ближайшую скамейку и задумался. Возле меня уселась яркая желто-красная бабочка. Я вгляделся в нее, чувствуя, что зацепка где-то рядом.

А ведь и точно! То, что происходит с людьми в парке, очень напоминает превращение куколок в бабочек. Был один человек – стал совсем другой. И тут даже не важно, сам он изменился или зеленые человечки подменили его на голема. Важно то, что прежнего человека нет. Как нет куколки после рождения бабочки.

Но ведь куколка не мечтает стать бабочкой. Куколке и так хорошо живется. Она о бабочке знать не знает и не понимает всех забот и радостей бабочки. Разница только в том, что куколка бабочкой станет в любом случае. А у людей есть шанс так всю жизнь и прожить куколками. И вот им предлагают стать бабочками. Бросить все и измениться. С неизвестным заранее эффектом. С туманными перспективами. Много ли людей добровольно захотят стать бабочками?

Толпа давно разошлась, и я обратил внимание на человека, который одиноко стоял руки в брюки и грустно смотрел в сторону парка. Почувствовал мой взгляд, он обернулся. Это оказался мой одноклассник Толик Цой. Я махнул ему рукой и подошел.

– Здорово, Вадька. Не, ну ты видел?

– Видел, видел. Чудеса, да и только.

– Обсудим?

Вопрос озадачил меня.

Толик был классным парнем. Все к нему относились по-доброму, и я не знал ни одного человека, который мог бы сказать что-то плохое про этого сына Кореи. Однако наши с ним отношения никогда не были дружескими – их и приятельскими-то можно было назвать с натяжкой. Ни в школе, ни на заводе, ни после его закрытия. Я ни разу не бывал у него в гостях, мы не поздравляли друг друга с днем рождения. Здоровались, да и только.

Вместе с тем я отчетливо понял, что да, я действительно хочу обсудить это. И неважно с кем – почему бы и не с Толиком?

Я кивнул, и мы пошли к его дому.

Внутрь заходить не стали, а расположились на лавочке возле подъезда. «Большая двойка» – подумал я, представив нас лет на сорок старше на той же лавочке.

– Ты извини, мой бледнолицый брат, что не зову в гости – не убрано у меня там. Да и накормить тебя, чтобы ты не выплюнул, у меня нечем.

– Да ничего, тут как раз хорошо. Ветерок, прохлада.

Толик покивал каким-то своим мыслям и пошел в атаку.

– Итак, что мы имеем? В парке есть нечто, что меняет людей. Как – мы пока не знаем. Вариант, что оно исполняет желания, сразу отбрасываем. Вариант, что сообщает что-то самое желаемое, – тоже. Самойлов – хитрый жук, для него самым важным было нажиться да конкурентов обставить. Наверняка хотел каких-нибудь их секретов. А вместо этого в слезах вышел. Что думаешь?

Я пожевал губы и ответил:

– Что думаю… Неспокойно мне. Жили, не тужили, и тут на тебе. Я был бы рад, наверное, если бы там ничего не было, и это все слухи и совпадения. Ну сбрендили три человека. С кем не бывает?

– Да перестань, дитя заката, ты же сам в это не веришь. Давай исходить из того, что Уруру существует, чем бы оно ни было.

– Ну если вот так… Все, кто там был, меняются. Узнают что-то такое, что изменяет их судьбу. Друг мой, Леша Смирнов, бросил работу, чтобы заняться делом, о котором всегда мечтал. Едет покорять Москву, науку развивать. Петрович вот пить бросил, жизнь новую начал. Как изменился Самойлов, мы пока не знаем. Но в целом отличная же штука, разве нет?

Толик медленно покачал головой.

– Как говорят у вас, русских, так-то оно так, да не так. Посуди сам: судьба их всех резко поменялась. Фактически это стали другие люди. Вот что бы сказали их прежние версии, узнав о грядущих переменах? Друг твой Алексей – скорее всего, обрадовался бы. Да и то не факт: здесь-то место насиженное, тут стаж, опыт, связи. А в Москве путь к довольству придется выгрызать зубами. Там знаешь сколько таких желающих из провинции? С Самойловым пока непонятно, но представь себе: узнал он что-то такое о своем бизнесе, что его просто в шок повергло. Продаст он свой бизнес, займется благотворительностью. Или вообще в монастырь уйдет. Для нового Самойлова это будет улучшение, это правильный путь. А для Самойлова-прежнего? Да он бы за сто верст обходил этот парк, лишь бы не вляпаться. Разве что Петрович с радостью бы согласился на изменения? Тоже не факт. Далеко не каждый алкоголик мечтает стать трезвенником. Петрович водку любил, для него это было удовольствие. Так что

и он еще подумал бы, узнав о грядущем. Скорее всего, он спросил бы: а чем тогда заниматься, если не пить?

Толик остановился, чтобы отдышаться от такой тирады, и спросил:

– Вот ты согласился бы на такое изменение?

– Вряд ли. Не зная, что меня ждет… А ты?

– А я с радостью. Видишь ли, это Уруру бьет по слабым местам людей. Указывает, какие ошибки они совершили, что сделали или делают неправильно. И указывает, как исправить. А мне нечего стыдиться. Я долго думал над этим. Всю свою жизнь разобрал, проанализировал. Не было ничего такого, что заставило бы меня краснеть или грустить. А значит, жизнь может измениться только к лучшему.

В этот момент на третьем этаже открылось окно, и оттуда выглянула голубоглазая блондинка в бирюзовом домашнем халатике, подчеркивающем пышноту форм.

– Толик, ты мне нужен! Приходи скорее.

Он улыбнулся девушке в ответ, и та скрылась.

– Жена зовет. Извини, мало поговорили. Я сегодня вечером иду к Уруру. Потом расскажу тебе о впечатлениях.

Толик прошмыгнул в подъезд, а я посидел еще немного на скамейке, думая о куколках и бабочках.

* * *

Позавтракав, я включил телевизор. Большая тройка вчера вечером, после разговора с Толиком, услужливо сообщила мне, что сегодня в полдень должен быть сюжет о визите Самойлова в наш город. В ожидании его я решил немного убраться в квартире. А чем еще заняться на выходных холостяку-профессионалу, у которого нет закадычных друзей, чтобы порыбачить или выпить пива?

Протерев книжные полки, я пошел в кладовую за веником. Там наткнулся на коробку с фотокарточками и бережно принес ее в комнату. Всякий раз она затягивала процесс подметания, но я не уставал неспешно пересматривать пожелтевшие фото – то немногое, что у меня осталось.

Вот я маленький с родителями. Тогда они были молоды, и я даже представить не мог, что их однажды не станет. Это случится уже много лет спустя, когда я буду работать на заводе.

Вот – наш класс, и Толик, как всегда, корчит рожицы. На самом деле он старался выглядеть нормально, но на фотографиях почему-то получался очень комично. Это еще со школьных времен он стал называть одноклассников бледнолицыми братьями и сестрами и детьми заката.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.